

ВЕСТНИК
МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
ОБЛАСТНОГО УНИВЕРСИТЕТА

ISSN 2072-8379

Серия

2015 / № 1

ЛИНГВИСТИКА

Научный журнал основан в 1998 г.

«Вестник Московского государственного областного университета» (все его серии) включён в «Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертации на соискание учёной степени доктора и кандидата наук» Высшей аттестационной комиссии при Министерстве образования и науки Российской Федерации (См.: Список журналов на сайте ВАК при Минобрнауки России) по наукам, соответствующим названию серии.

The academic journal is established in 1998

«Bulletin of Moscow State Regional University» (all its series) is included by the Supreme Certifying Commission of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation into "the List of leading reviewed academic journals and periodicals recommended for publishing in corresponding series basic research thesis results for a Ph.D. Candidate or Doctorate Degree" (See: the online List of journals at the site of the Supreme Certifying Commission of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation).

2015 / № 1

Series

ISSN 2072-8379

LINGUISTICS

BULLETIN OF THE MOSCOW STATE
REGIONAL UNIVERSITY

Учредитель журнала «Вестник МГОУ»: Московский государственный областной университет

Выходит 6 раз в год

Редакционно-издательский совет «Вестника МГОУ»

Хроменков П.Н. – к.филол.н., проф., ректор Московского государственного областного университета (председатель совета)

Ефремова Е.С. – к. филол. н., и.о. проректора по научной работе Московского государственного областного университета (зам. председателя)

Клычников В.М. – к.ю.н., к.и.н., проф., проректор по учебной работе и международному сотрудничеству Московского государственного областного университета (зам. председателя)

Антонова Л.Н. – д.пед.н., академик РАО, Комитет Совета Федерации по науке, образованию и культуре

Асмолов А.Г. – д.псих.н., проф., академик РАО, директор Федерального института развития образования

Климов С.Н. – д.ф.н., проф., Московский государственный университет путей сообщения (МИИТ)

Клобуков Е.В. – д.филол.н., проф., МГУ им. М.В. Ломоносова

Манойло А.В. – д.пол.н., проф., МГУ им. М.В. Ломоносова

Новоселов А.Л. – д.э.н., проф., Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова

Пасечник В.В. – д.пед.н., проф., Московский государственный областной университет

Поляков Ю.М. – к. филол. н., главный редактор «Литературной газеты»

Рюмцев Е.И. – д.ф.-м.н., проф., Санкт-Петербургский государственный университет

Хухуни Г.Т. – д.филол.н., проф., Московский государственный областной университет

Чистякова С.Н. – д. пед. н., проф., член-корр. РАО

Редакционная коллегия серии «Лингвистика»

Ответственный редактор серии:

Ощепкова В.В. – д.филол.н., проф., МГОУ

Заместитель ответственного редактора серии:

Жирова И.Г. – д.филол.н., проф., МГОУ

Ответственный секретарь серии:

Максименко О.И. – д.филол.н., проф., МГОУ

Члены редакционной коллегии серии:

Левченко М.Н. – д.филол.н., проф., МГОУ

Скуратов И.В. – д.филол.н., доц., МГОУ

Гринев-Гриневиц С.В. – д.филол.н., проф., Белостокский университет (Польша)

Епифанцева Н.Г. – д.филол.н., проф., МГОУ

Пан Ке Ен – д.филол.н., проф., Университет иностранных языков Хангук (Республика Корея)

Латышев Л.К. – д.филол.н., проф., МГОУ

Туголукова Г.И. – к.филол.н., проф., МГОУ

Сесил Л. Нельсон – доктор лингвистики, Университет штата Индиана (г. Терре-Хот, США)

Журнал включен в базу данных Российского индекса научного цитирования (РИНЦ), имеет полнотекстовую сетевую версию в Интернете на платформе Научной электронной библиотеки (www.elibrary.ru), а также на сайте Московского государственного областного университета (www.vestnik-mgou.ru)

При цитировании ссылка на конкретную серию «Вестника МГОУ» обязательна. Воспроизведение материалов в печатных, электронных или иных изданиях без разрешения редакции запрещено. Опубликованные в журнале материалы могут использоваться только в некоммерческих целях. Ответственность за содержание статей несут авторы. Мнение редколлегии серии может не совпадать с точкой зрения автора. Рукописи не возвращаются.

Адрес Отдела по изданию научного журнала «Вестник МГОУ»

г. Москва, ул. Радио, д.10а, офис 98
тел. (499) 261-43-41; (495) 723-56-31
e-mail: vest_mgou@mail.ru;
сайт: www.vestnik-mgou.ru

ISSN 2072-8379

Вестник Московского государственного областного университета. Серия «Лингвистика». 2015. № 1. М.: ИИУ МГОУ. 76 с.

Журнал «Вестник МГОУ» серия «Лингвистика» зарегистрирован в Федеральной службе по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия. Регистрационное свидетельство ПИ № ФС77-26301

**Индекс серии «Лингвистика»
по Объединенному каталогу «Пресса России» 40713**

© МГОУ, 2015.

© ИИУ МГОУ, 2015.

Founder of journal «Bulletin of the MSRU»: Moscow State Regional University

Issued 6 times a year

Series editorial board «Linguistics»

Editor-in-chief:

V.V. Oshchepkova – Doctor of Philology, Professor, MSRU

Deputy editor-in-chief:

I.G. Zhirova – Doctor of Philology, Professor, MSRU

Executive secretary of the series:

O.I. Maksimenko – Doctor of Philology, Professor, MSRU

Members of Editorial Board:

M.N. Levchenko – Doctor of Philology, Professor; **I.V. Skuratov** – Doctor of Philology, Associate Professor, MSRU;

S.V. Grinev-Grinevich – Doctor of Philology, Professor, Bialystok University (Poland); **N.G. Yepifantseva** – Doctor

of Philology, Professor, MSRU; **Pang Gyo-Youn** – Doctor

of Philology, Professor, Hankuk University of Foreign Studies (Korea); **L.K. Latyshev** – Doctor of Philology, Professor,

MSRU; **G.I. Tugolukova** – Ph. D. in Philology, Professor,

MSRU; **Cecil L. Nelson** – PhD in Linguistics, Indiana State

University (Terre Haute, Indiana, USA)

The journal is included into the database of the Russian Science Citation Index, has a full text network version on the Internet on the platform of Scientific Electronic Library (www.elibrary.ru), as well as at the site of the Moscow State Regional University (www.vestnik-mgou.ru)

At citing the reference to a particular series of «Bulletin of the Moscow State Regional University» is obligatory. The reproduction of materials in printed, electronic or other editions without the Editorial Board permission, is forbidden. The materials published in the journal are for non-commercial use only. The authors bear all responsibility for the content of their papers. The opinion of the Editorial Board of the series does not necessarily coincide with that of the author Manuscripts are not returned.

The Editorial Board address: Moscow State Regional University

10a Radio st., office 98

Moscow, Russia

Phones: (499) 261-43-41; (495) 723-56-31

e-mail: vest_mgou@mail.ru; site: www.vestnik-mgou.ru

Publishing council «Bulletin of the MSRU»

P.N. Khromenkov – Ph. D. in Philology, Professor, Rector of MSRU (Chairman of the Council)

E.S. Yefremova – Ph. D. in Philology, Acting Vice-Principal for scientific work of MSRU (Vice-Chairman of the Council)

V.M. Klychnikov – Ph.D. in Law, Ph. D. in History, Professor, Vice-Principal for academic work and international cooperation of MSRU (Vice-Chairman of the Council)

L.N. Antonova – Doctor of Pedagogics, Member of the Russian Academy of Education, The Council of the Federation Committee on Science, Education and Culture

A.G. Asmolov – Doctor of Psychology, Professor, Member of the Russian Academy of Education, Principal of the Federal Institute of Development of Education

S.N. Klimov – Doctor of Philosophy, Professor, Moscow State University of Railway Engineering

E.V. Klobukov – Doctor of Philology, Professor, Lomonosov Moscow State University

A.V. Manoylo – Doctor of Political Science, Professor, Lomonosov Moscow State University

A.L. Novosjolov – Doctor of Economics, Professor, Plekhanov Russian University of Economics

V.V. Pasechnik – Doctor of Pedagogics, Professor, MSRU

Yu. M. Polyakov – Ph.D. in Philology, Editor-in-chief of “Literaturnaya Gazeta”

E.I. Rjuntsev – Doctor of Physics and Mathematics, Professor, Saint Petersburg State University

G. T. Khukhuni – Doctor of Philology, Professor, MSRU

S.N. Chistyakova – Doctor of Pedagogics, Professor, Corresponding Member of the Russian Academy of Education

ISSN 2072-8379

Bulletin of the Moscow State Regional University. Series «Linguistics». 2015. № 1. M.: MSRU Publishing house. 76 p.

The series «Linguistics» of the Bulletin of the Moscow State Regional University is registered in Federal service on supervision of legislation observance in sphere of mass communications and cultural heritage protection. The registration certificate ПИ № ФС77-26301

Index of the series «Linguistics» according to the union catalog «Press of Russia» 40713

© MSRU, 2015.

© MSRU Publishing house, 2015.

СОДЕРЖАНИЕ

РАЗДЕЛ I. ТЕОРИЯ ЯЗЫКА

<i>Валуйцева И.И., Стариченко Н.С.</i> ПАРФЮМЕРНЫЙ ЗАПАХ КАК ОБЪЕКТ СИНЕСТЕТИЧЕСКОЙ МЕТАФОРЫ В ИНТЕРНЕТ-ПРОСТРАНСТВЕ	6
<i>Зубков М.Д.</i> ЯЗЫКОВАЯ ЛИЧНОСТЬ ОРАТОРА В СВЕТЕ ТЕОРИИ ДИКТЕМЫ	12

РАЗДЕЛ II. ГЕРМАНСКИЕ ЯЗЫКИ

<i>Молчанова Д.В.</i> НОМИНАТИВНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ КОНЦЕПТОВ “LADY” / «ЛЕДИ» (НА ОСНОВЕ АНАЛИЗА СООТВЕТСТВУЮЩИХ СИНОНИМИЧЕСКИХ РЯДОВ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ)	21
<i>Федорова Н.А.</i> ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ НЕКОТОРЫХ АНГЛИЙСКИХ ТОПОНИМОВ	29
<i>Федосова А.К.</i> ХАРАКТЕРИСТИКИ ВОСПРИЯТИЯ НАЗВАНИЙ СПОРТИВНЫХ ИГР ДЕТЬМИ ШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА (ОПЫТ ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ)	33
<i>Яковлева А.М.</i> КОНЦЕПТОСФЕРА «КОНДИТЕРСКИЕ ИЗДЕЛИЯ» В ОЦЕНОЧНОЙ СЕМАНТИКЕ АНГЛИЙСКИХ ПОСЛОВИЦ И ПОГОВОРК	40

РАЗДЕЛ III. СРАВНИТЕЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКОЕ, ТИПОЛОГИЧЕСКОЕ И СОПОСТАВИТЕЛЬНОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ

<i>Гнатюк О.А.</i> ГЛАГОЛ-СВЯЗКА КАК ОДИН ИЗ АСПЕКТОВ ГРАММАТИЧЕСКОЙ ИНТЕРФЕРЕНЦИИ ПРИ РУССКО-ИСПАНСКОМ ДВУЯЗЫЧИИ	48
<i>Евтухова Е.В.</i> ТРУДНОСТИ ПЕРЕВОДА НОМЕНКЛАТУРНЫХ НАЗВАНИЙ ПОРОД СОБАК И ГОЛУБЕЙ НА ПРИМЕРЕ РУССКОЯЗЫЧНЫХ ПЕРЕВОДОВ «ПРОИСХОЖДЕНИЯ ВИДОВ» Ч. ДАРВИНА	54
<i>Мазирка И.О., Хухуни Г.Т.</i> К ВОПРОСУ О ТАК НАЗЫВАЕМОМ «НУЛЕВОМ ПЕРЕВОДЕ»	65

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

<i>Скуратов И.В.</i> РОМАНСКИЕ ЯЗЫКИ И КУЛЬТУРА: КОНКУРЕНЦИЯ НА МЕЖДУНАРОДНОЙ АРЕНЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ. МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ 24–25 ИЮНЯ 2014 ГОДА	71
НАШИ АВТОРЫ	74

CONTENTS

SECTION I. THEORY OF LANGUAGE

<i>I. Valuytseva, N. Starichenko.</i> PERFUME AS A SUBJECT OF SYNAESTHETIC METAPHOR IN THE INTERNET	6
<i>M. Zubkov.</i> LINGUAL PERSONALITY OF THE ORATOR FROM THE DICTEME THEORY POIN OF VIEW	12

SECTION II. GERMAN LANGUAGES

<i>D. Molchanova</i> NOTIONAL CHARACTERISTICS OF THE CONCEPT “LADY” / «ЛЕДИ» (BASED ON THE ANALYSIS OF SYNONYMOUS ROWS)	21
<i>N. Fedorova</i> PECULIARITIES OF FORMATION OF SOME ENGLISH TOPONYMS	29
<i>A. Fedosova</i> PERCEPTION CHARACTERISTICS OF SPORT GAMES TITLES BY CHILDREN OF THE SCHOOL AGE (EXPERIENCE OF A PILOT STUDY)	33
<i>A. Iakovleva</i> CONCEPT SPHERE “CONFECTIONARY AND PASTRY” IN APPRAISAL SEMANTICS OF ENGLISH PROVERBS AND SAYINGS	40

SECTION III. COMPARATIVE, HISTORICAL AND TYPOLOGICAL LINGUISTICS

<i>O. Gnatyuk.</i> LINK VERB AS AN ASPECT OF GRAMMATICAL INTERFERENCE IN RUSSIAN-SPANISH BILINGUALISM	48
<i>E. Evtukhova.</i> DIFFICULTIES OF INTERPRITING NOMENCLATIVE NAMES OF DOGS AND PIGEONS BREEDS IN RUSSIAN TRANSLATIONS OF CH. DARWIN’S “THE ORIGIN OF SPECIES”	54
<i>I. Mazirka, G. Khukhuni.</i> ABOUT THE SO-CALLED “ZERO TRANSLATION”	65

ACADEMIC LIFE

<i>I. Skuratov.</i> ROMANCE LANGUAGES AND CULTURE: COMPETITION ON INTERNTIONAL SCENE AND PERSPECTIVES INTERNATIONAL CONFERENCE 24-25 JUNE 2014	71
<i>OUR AUTHORS</i>	74

РАЗДЕЛ I. ТЕОРИЯ ЯЗЫКА

УДК 81'23

Валуйцева И.И., Стариченко Н.С.

Московский государственный областной университет

ПАРФЮМЕРНЫЙ ЗАПАХ КАК ОБЪЕКТ СИНЕСТЕТИЧЕСКОЙ МЕТАФОРЫ В ИНТЕРНЕТ-ПРОСТРАНСТВЕ

Аннотация. В статье рассматривается понятие синестетической метафоры и функционирование синестетических метафор в текстах, описывающих парфюмерные ароматы. В исследовании предлагается классификация метафор, основанная на типе интермодальности, на которой строится метафора. Проводится всесторонний анализ текстов и метафор в них, что позволяет выделить структуру синестетических метафор и некоторые особенности построения текстов, описывающих аромат. Результаты исследования позволяют говорить о глубокой связи всех пяти органов чувств между собой и её выражении в языке.

Ключевые слова: синестетическая метафора, синестезия, интермодальность, коммуникация, семиотическая система, восприятие, креолизованный текст.

I. Valuytseva, N. Starichenko

Moscow State Region University

PERFUME AS A SUBJECT OF SYNAESTHETIC METAPHOR IN THE INTERNET

Abstract. The article contains some results of the study of synaesthetic metaphors and their functioning in the texts that describe perfume. The concept of synaesthetic metaphors is analyzed and classification based on the type of intermodality used in the metaphors is suggested. Also a detailed analysis of the texts and metaphors they contain is described, which gives an opportunity to understand the structure of the synaesthetic metaphors and single out some features in the construction of texts describing perfume. The results of the study show deep connection of all five human senses with each other and with the language.

Key words: synaesthetic metaphor, synaesthesia, intermodality, communication, semiotic system, perception, creolized text.

Запахи всегда играли существенную роль в жизни человека. Обоняние, или ольфакторная система, является универсальной для всех живых существ. Но только перед человеком стоит задача передать запах при помощи слов. При изучении восприятия психологи отметили определённое взаимодействие систем разных органов чувств. Особое внимание привлекло явление, основанное на интермодальном переключении или смешении, получившее название «синестезии». Хотя феномен синестезии пользуется популярностью, единого взгляда на данное явление до сих пор нет.

Самым цитируемым зарубежным исследователем синестезии на сегодняшний день является нейропсихолог Р. Цитович (Richard Cytowic) [8], и его определение данного феномена используется как классическое за рубежом. По определению Р. Цитовича **синестезия** – это непреднамеренный физический опыт межчувственной ассоциации, в ходе которой стимуляция одной сенсорной модальности приводит к восприятию в другой модальности или нескольких модальностях [1]. По его мнению, специфику синестезии определяют пять присущих ей особенностей: произвольность, представленность в пространстве, стабильность во времени и недетализированность образов, запоминаемость, эмоциональность. Учёный полагает, что синестезия протекает в своём особом пространстве, схожем с евклидовым, воспринимаемым только носителем феномена. При этом синестеты понимают, что данное поле физически нереально [1]. Также Цитович считает синестезию врождённым редким качеством, подчёркивает необходимость

её отграничения от метафоры, литературных тропов и других художественных приёмов.

В нашей работе мы опираемся на определение синестезии, данное известным отечественным психологом А.Р. Лурией, который говорил об этом явлении как о физиологическом механизме, характеризующемся возникновением произвольных ощущений в модальностях, типично реагирующих на другие стимулы [4; 5]. А.Р. Лурия полагал, что синестезия, являясь нормальным проявлением физиологической работы мозга, присуща всем людям, однако степень выраженности данного явления варьируется индивидуально. Наблюдения за известным мнемонистом С.В. Шерешевским позволили А.Р. Лурии сделать предположение о связи синестезии с языком, что нашло отражение в определении, согласно которому синестезия представляет собой сочувствование, возникающее как интермодальное смешение в нашем головном мозге и ведущее к тому, что язык реагирует на него специфическими словосочетаниями [5].

Лингвист С. Ульман был первым, кто выдвинул вопрос о синестезии как семантической универсалии. Он считал синестезию разновидностью метафоризации и определял её специфику тем, что в данном случае два значения соотносятся с ощущениями, расположенными на двух различных уровнях чувствительности. Уровни чувствительности, сферы сенсориума, выделяемые Ульманом, – это осязание, температура, вкус, обоняние, рассматриваемые им как более примитивные, менее дифференцированные, а более высокоорганизованные ощущения, по

мнению исследователя, – слух и зрение [7]. Ульман полагал, что движение в синестетических переносах идёт «снизу вверх», то есть от более примитивных и менее дифференцированных (осязание, вкус и др.) к более высокоорганизованным (слух и зрение).

В связи с феноменом синестезии рассматривают понятие «синестэмии» («соощущения + созмоции»), предложенное С.В. Ворониным [2]. И хотя данные явления (синестезию, синестэмию) сложно наблюдать напрямую, так как эти процессы происходят в мозгу человека, они находят яркое отражение в синестетической метафоре. Синестетическая метафора представляет собой сложное психолингвистическое явление, основанное на интермодальности ощущений органов чувств и реализующееся через язык. Она представляет собой употребление слова, значение которого связано с одним органом чувств, в значении, относящемся к другому органу чувств [6].

Считаем необходимым также уточнить, что в качестве рабочего для данного исследования было взято определение метафоры, сформулированное в рамках теории концептуальной метафоры, согласно которой сущность метафоры заключается в осмыслении и переживании явлений одного рода в терминах сущностей другого рода [3].

Материалом работы являются тексты, взятые из сети *Интернет*, в основном с сайта www.fragrantica.ru. Сайт носит коммерческий характер, основная задача – продажа парфюмерии, но это также и место общения людей, для которых духи являются неотъемлемой частью жизни, а описание ароматов – частью выражения их индивидуальности.

Для анализа были отобраны 50 текстов, описывающих парфюмерный запах, общим объёмом более 6700 слов. В среднем объём статей варьируется от 80 до 120 слов, но среди проанализированного массива встречаются и статьи в 400 слов и выше, максимальный объём статьи – 1000 слов. Создателями текстов являются авторы и редакторы, которые входят в штат сотрудников сайта. Это многонациональный коллектив, члены которого говорят на разных языках. Соответственно, большинство отобранных статей являются переводными статьями.

При описании аромата используют определённый набор слов и модели построения фраз. Такое структурирование текста позволяет читателю составить более ясное представление о парфюмерном запахе. Текст, описывающий аромат, чаще всего имеет следующую структуру:

- название аромата;
- общее описание аромата;
- головные ноты;
- ноты сердца;
- ноты базы.

Всего в результате исследования было обнаружено 123 случая употребления синестетической метафоры запаха.

Прежде всего, следует отметить, что традиционной метафорой при передаче парфюмерного запаха является обращение к аудиальному восприятию. В парфюмерии уже достаточно давно компоненты запаха называют «нотами», которые могут быть «верхними», «средними» и «нижними». Разделение компонентов аромата на верхние, средние и нижние ноты основано на степени летучести, стойкости и интенсивности компонентов арома-

та по аналогии с нотами в музыке: самые «тяжёлые» и стойкие компоненты составляют нижние ноты аромата, а самые «лёгкие» являются верхними нотами. Также существует выражение «слушать аромат». Данные выражения составляют своего рода терминологию в описании ароматов, поэтому изолированное употребление приведенных выше словосочетаний не учитывалось нами в ходе анализа. Они рассматривались только в том случае, если являлись составной частью сложной метафоры.

В ходе анализа отобранного материала обнаруженные синестетические метафоры мы разделили на 2 большие

группы: 1) синестетические метафоры, основанные на пересечении восприятий пятью органами чувств (см. табл. 1); 2) синестетические метафоры, основанные на переносе в модальности, отличные от систем органов чувств (см. табл. 2).

Метафоры первой группы (см. табл. 1) основаны на переносе ощущений, вызываемых в ольфакторной системе, на другие системы органов чувств – зрение, слух, осязание и вкус. Далее, первая группа была разделена нами на 4 подгруппы – «осязание» (25 употреблений), «вкус» (24 употреблений), «цвет / свет» (23 употреблений), «звук / музыка» (17 употреблений).

Таблица 1

Типы переносов, основанных на пересечении восприятий разными органами чувств (на примере синестетических метафор, характеризующих ароматы)

Тип	Количество	Пример
«осязание»	25	«тёплый, «отполированный», округлый и красиво сбалансированный» «тёплый, комфортный и мягкий, как и ткань, вдохновившая на его создание»
«вкус»	24	«приправленный мадагаскарским чёрным перцем» «сливочный парфюм»
«цвет / свет»	23	«прозрачный аромат с искрящимися оттенками» «(аромат) акварельный и легко размывается в белесую пудру»
«звук / музыка»	17	«свежие голоса фрезии и розы» «Этим монотонным шорохом аромат и завершается»

Такие метафоры чаще всего являются простыми по своей форме – то есть используется только одна система чувств для передачи запаха. Наличие первой группы метафор, использующих перенос с ольфакторной системы чувств на другие системы внешних чувств, показывает глубокую связь между всеми пятью системами органов

чувств. Если избирается такой способ передачи запаха, то предпочтение отдаётся метафорам, которые переносят ощущение из обонятельной системы в осязательную и вкусовую.

Вторая группа (см. табл. 2) делится на три подгруппы: «антропоморфные метафоры» (18 употреблений), «аромат – движение» (8 употреблений), «аромат –

образ» (8 употреблений). Во второй группе метафор ощущения из ольфакторной системы переносятся в иные модальности, отличные от систем органов чувств. Данная группа метафор, которая тоже представлена достаточно большим количеством употреблений, показывает, что психологические чув-

ства и эмоции человека тесно связаны с 5 органами чувств. Итак, нами выделены 3 подгруппы: в одну входят метафоры, передающие запах через понятие «движения», вторая подгруппа – это «антропоморфные метафоры», а третья подгруппа представляет собой сложные «метафоры-образы» (см. табл. 2).

Таблица 2

Типы переносов, основанных на перенесении ощущений из ольфакторной системы в иные модальности, отличные от систем органов чувств (на примере синестетических метафор, характеризующих ароматы)

Тип	Количество	Пример
«движение»	8	«стремительный аромат» «кружение лепестков розы и белого жасмина»
«антропоморфные метафоры»	18	«глубокий и утончённый характер аромата» «аромат с тяжёлым и коварным характером, молчун, прячущий кинжал в складках одежды»
«метафоры-образы»	8	««...» Отчётливые металлические оттенки – то ли скальпель хирурга-спасителя, то ли отвёртка профессора Коппелиуса, заводящего хрупкий механизм с немного неуклюжими движениями. «...» Здесь есть за что любить Коппелию – она красива и сводит с ума; но очень уж искусственна. Она не способна ничего дать – только брать. Она не может пожертвовать собой, она не рождает ничего нового, а поворачиваясь разными ракурсами, она напоминает калейдоскоп. Сострадание? Любовь? Развитие? Похоже, что «девушкам с эмалевыми глазами» нужны ароматы, как раз чтобы симулировать человечность. В случае фарфоровой Коппелии, не имевшей своего запаха изначально, аромат даёт кукле подобие человеческой теплоты, намёк на сердечность и намерение любить. Без человеческого аромата, как ключевого элемента любого наряда и одежды, кукла останется куклой»

Анализ языковой структуры синестетических метафор позволил выявить основные формы представления метафор. В основном, синестетические метафоры имеют следующую структуру:

– «прилагательное + существительное» (82 случая употребления); напр.: «солнечный аромат», «бархатистая база»;

– «существительное + существительное (+ существительное)» (25 случаев употребления); напр.: «мелодия чистоты света», «сладость персиков»;

– «существительное + глагол» (12 случаев употребления); напр.: «аккордом, в котором солирует гвоздика», «соло переходит в дуэт с кардамоном».

Форма синестетических метафор

«прилагательное + существительное» наиболее широко представлена в группе метафор «осязание» – 26 случаев употребления. Форма метафор «существительное + существительное (+ существительное)» наиболее характерна для группы метафор «вкус» – 7 случаев употребления. Форма «существительное + глагол» больше всего характерна для группы метафор «звук/музыка» – 5 случаев употребления. Результаты анализа позволили установить, что некоторые структурные типы метафор не встречаются в выделенных нами группах. Так, форма «существительное + глагол» не используется для передачи синестетических метафор в группе метафор «вкус», а форма представления «существительное + существительное + (существительное)» не встречается в группе метафор «осязание / субстанция / жидкость».

Таким образом, в результате проведённого анализа синестетических метафор была обнаружена глубокая связь между всеми органами чувств, проявляющаяся смешением ощущений, характерных для одних органов чувств, и осмысления их в терминах и ощущениях других органов чувств. Если избирается такой способ передачи запаха, то предпочтение отдаётся метафорам, которые переносят ощущение из обонятельной системы в осязательную и вкусовую. Также исследование позволило заключить, что чувства и эмоции человека тесно связаны с пятью орга-

нами чувств. Связь бывает настолько яркой и сильной, что предметы и явления действительности, а также личные воспоминания могут находить своё отражение в парфюмерных запахах, то есть предпринимается попытка «говорить» запахами.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Бардовская В.И. Современные тенденции изучения синестетических метафор // Вестник ТвГУ. Тверь: ТвГУ, 2010. Вып. 4: Филология. С. 168–181.
2. Воронин С.В. Синестезия и звуко-символизм // Психолингвистические проблемы семантики. М.: Наука, 1983. С. 120–131.
3. Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живём. М.: ЛКИ, 2008. 256 с.
4. Лурия А.Р. Лекции по общей психологии. СПб.: Питер, 2006. 320 с.
5. Лурия А.Р. Маленькая книжка о большой памяти. М.: Изд-во МГУ, 1968. 88 с.
6. Рачковская А.В. Фразеологические единицы в семантико-грамматических и этнокультурных аспектах // Русский язык: система и функционирование (к 80-летию профессора П.П. Шубы): Материалы III Междунар. науч. конф., Минск, 6–7 апр. 2006 г.: в 2 ч. / редкол.: И.С. Ровдо (отв. ред.) [и др.]. Минск: РИВШ, 2006. Ч. 1. С. 318–321.
7. Ульман С. Семантические универсалии // Новое в лингвистике. Вып. 5. М., 1970. С. 250–299.
8. Cytowic R.E. Synesthesia: a union of the senses. Cambridge: MIT Press, 2002. 425 p.

УДК 808.5

Зубков М.Д.*Московская гуманитарно-техническая академия***ЯЗЫКОВАЯ ЛИЧНОСТЬ ОРАТОРА В СВЕТЕ ТЕОРИИ ДИКТЕМЫ**

Аннотация. Статья посвящена анализу языковой личности оратора на примере речей американского пастора, лидера движения борьбы за гражданские права и общественно-го деятеля Мартина Лютера Кинга-младшего. Описано становление понятия «языковая личность» и дано его определение. В свете теории диктемы и диктемного строя текста проанализированы особенности аргументативного дискурса, а именно совокупность аргументов к логосу, этосу и пафосу, с помощью которых оратор обосновывает свои тезисы и оказывает речевое воздействие на аудиторию. Автор также рассматривает роль стилистических приёмов в подкреплении вышеперечисленных модусов убеждения.

Ключевые слова: языковая личность, диктема, идиолект, дискурс, аргументативный дискурс, логос, этос, пафос, стилистические приёмы, конвергенция.

M. Zubkov*Moscow Humanitarian-Technical Academy***LINGUAL PERSONALITY OF THE ORATOR
IN THE LIGHT OF THE THEORY OF DICTEME**

Abstract. The concept of lingual personality of the orator is analysed using the speeches of the American Baptist minister, activist, leader in civil rights movement Martin Luther King, Jr. as the material. The development of “linguistic (i.e. lingual) personality” concept is described and its definition is presented. The peculiarities of argumentative discourse are analysed in terms of the dicteme theory and the dictemic structure of text. The peculiarities include the complex of arguments to logos, ethos and pathos with the help of which the orator proves his theses and produces an impact on the audience. The author also addresses the issue of stylistic means role in strengthening the above-mentioned modes of persuasion.

Key words: lingual personality, dicteme, idiolect, discourse, argumentative discourse, logos, ethos, pathos, stylistic means, convergence.

В настоящее время существенно вырос интерес к изучению понятия «языковая личность». Несмотря на то, что само понятие появилось относительно недавно, оно уже активно утверждается в современной лингвистике. Учёные из различных областей науки занимаются проблемой язы-

ковой личности. Анализируются как индивидуальные языковые личности (персонаж художественного произведения, политик, телеведущий), так и групповые (старшеклассники, студенты, переводчики).

«Языковая личность» является ключевым понятием антропоцентрически ориентированной лингвистики. Впервые словосочетание «языковая

личность» появилось в работе В.В. Виноградова «О языке художественной прозы». Учёный изучал соотношение в литературном произведении языковой личности, художественного образа и образа автора [5]. В 60-х годах XX в. к языковой личности обращается известный языковед Й.Л. Вайсгербер. Он рассматривает её через призму феномена родного языка этой личности [4, с. 8–9]. У В.В. Виноградова и Й.Л. Вайсгербера отсутствует определение языковой личности, и лишь спустя почти полвека в различных областях научного поиска (лингводидактике, стилистике художественной речи, психолингвистике, лингвокультурологии, коммуникативной лингвистике и др.) появляется целый ряд дефиниций.

Изучив определения данного понятия, которые были сформулированы разными учёными, мы можем сделать вывод о том, что в зависимости от подхода и целей исследования понятие «языковая личность» может толковаться по-разному. В современной трактовке термина «языковая личность» иногда отсутствует представление разницы между языковой личностью и просто личностью, эти понятия становятся тождественными. Однако безъязыковой личности не бывает, ещё Э. Бенвенист писал: «В мире существует только человек с языком, говорящий с другим человеком, и язык, таким образом, необходимо принадлежит самому определению человека» [1, с. 293]. В понятии «языковая личность» нас, как лингвистов, интересует прежде всего «индивидуальный язык» личности – *идиолект*, под которым понимают совокупность формальных и стилевых особенностей, свойственных речи отдельного носителя данного языка. У. Эко под идиолек-

том понимает особенный, неповторимый код говорящего [15, р. 272]. Таким образом, языковая личность определяется идиолектом, т. е. составом языка личности вместе с характеристикой употребления этого языка в соответствующих ситуациях общения.

В рамках нашей работы мы рассматриваем языковую личность через призму диктемного анализа текстов. Диктема, открытая М.Я. Блохом, – элементарная единица текста, состоящая из одного или нескольких предложений, функцией которой является выражение определённой темы [3]. В диктеме выявляются четыре функционально-знаковых аспекта речи: номинация, предикация, тематизация и стилизация. Номинация именуется общую ситуацию, отражаемую диктемой. Предикация относит это именование к действительности. Тематизация включает передаваемую диктемой информацию в разворачивающееся содержание целого текста. Стилизация осуществляет такое коннотационное представление содержания, которое реализует ситуативно-обусловленное воздействие на слушающего, соответствующее коммуникативной цели говорящего. По типу передаваемой информации диктема делится на четыре обобщённых типа: фактуальная, интеллективная, эмотивная и импрессивная. Фактуальная информация – предметное отражение фактов и явлений действительности, интеллективная – отражение связей и отношений между ними, эмотивная – отражение эмоционального состояния говорящего, импрессивность, по сути, – не тип информации, а соответствие построения высказывания условию его коммуникативного успеха в данной речевой

обстановке, т. е. апелляция к слушающему [3]. Таким образом, благодаря универсальности диктемы мы приняли её за единицу исследования, в рамках которой происходит анализ языковой личности.

Наш комплексный анализ языковой личности оратора проводится на материале 7 речей (~ 93 страницы) американского пастора, лидера движения борьбы за гражданские права и общественного деятеля Мартина Лютера Кинга, чьи выступления служат образцом эффективного речевого поведения и творчества. Изучение языковой личности данного масштаба позволяет не только выделить особый тип языковой личности, но и представить его достоинства.

Поскольку объектом нашего исследования является языковая личность оратора, перед нами стоит задача учесть особенности ораторской речи, в частности – аргументативного дискурса. М.Я. Блох даёт следующее определение *дискурса*: «тематически определённый текст, задуманный и предполагаемый как целый и завершённый, но рассмотренный в ситуации общения, в которой он разворачивается» [2]. Под *аргументативным дискурсом*, взяв за основу определение В.С. Григорьевой, мы понимаем последовательность высказываний в определённой коммуникативной ситуации, в процессе развёртывания которой говорящий осуществляет речевые шаги с определённой коммуникативно-прагматической целью, а именно – убедить слушателя в истинности какого-либо суждения и заставить его принять это мнение [6, с. 54]. Процесс аргументации включает в себя три элемента: тезис, аргументы и демонстрацию.

– *Тезис* – утверждение, которое доказывается или опровергается.

– *Аргументы* – высказывания, используемые для доказательства или опровержения тезиса.

– *Демонстрация* – последовательность логических операций, позволяющих доказать или опровергнуть тезис.

В свою очередь, аргументы подразделяются на аргументы к логосу, этосу и пафосу или, как их называл Аристотель, *модусы убеждения*.

Логос – это рациональное начало аргументативной деятельности, логические построения, статистические данные, цифры, научные доказательства, т. е. аргументы, которые апеллируют к разуму слушающего. В основном, аргументы данного типа встречаются в середине речи ввиду того, что главный тезис речи развивается именно на этом отрезке. Одним из наиболее распространённых логических аргументов в англоязычной риторике является *энтимема*, которую также часто называют риторическим силлогизмом, где отсутствует одна из посылок (или обе сразу) или вывод. Например, микротема следующей диктемы является тезисом (*Любой житель Соединённых Штатов Америки не может быть признан чужаком*), который М.Л. Кинг показывает с помощью *энтимемы*:

«Moreover, I am cognizant of the inter-relatedness of all communities and states. I cannot sit idly by in Atlanta and not be concerned about what happens in Birmingham. **Injustice anywhere is a threat to justice everywhere. We are caught in an inescapable network of mutuality, tied in a single garment of destiny. Whatever affects one directly, affects all indirectly. Never again can we afford to live with the**

narrow, provincial “outside agitator” idea. **Anyone who lives inside the United States can never be considered an outsider anywhere within its bounds»** [9].

Представители духовенства Бирмингема резко осудили М.Л. Кинга за его приезд в их город с целью организации и проведения протестов. По их мнению, «чужаки» (outsiders) не должны вмешиваться во внутренние дела города. М.Л. Кинг находит уязвимое место в их заявлении и показывает, что любой житель Соединённых Штатов Америки не может быть посторонним человеком в собственной стране, соответственно М.Л. Кинга нельзя считать чужаком, и он вправе проводить протесты в Бирмингеме – в данной энтимеме пропущен вывод. Энтимемы не только экономят время оратора, но и могут свидетельствовать о том, что говорящий предполагает способность аудитории самой понять имплицитный смысл сказанного и «достроить» цепочку рассуждений. Логическая аргументация М.Л. Кинга в большинстве случаев экспрессивно усиливается стилистическими приёмами: в вышеприведённой диктете мы наблюдаем эффективное использование **контраста**, параллелизма, *развёрнутой метафоры* и *полной инверсии*, которые придают логической аргументации оратора большую импрессивность.

Ещё одним важным логическим аргументом являются *примеры (иллюстрации)*. Будучи высокообразованным и интеллектуальным человеком, М.Л. Кинг успешно использовал данные виды аргументов к логосу, подбирая те примеры или статистические данные, которые подкрепляли его аргументацию, например:

«I proposed recently that a national

agency be established to provide employment for everyone needing it. Nothing is more socially inexcusable than unemployment in this age. *In the 30s when the nation was bankrupt it instituted such an agency, the WPA, in the present conditions of a nation glutted with resources, it is barbarous to condemn people desiring work to soul sapping inactivity and poverty»* [13].

Тезис о необходимости создания агентства, которое будет заниматься занятостью населения, М.Л. Кинг аргументирует, используя удачный пример из истории Соединённых Штатов Америки, когда, несмотря на финансовый кризис, государство создало такое агентство для решения данной проблемы. Фактуальная информация данной диктеты усиливается *контрастом* («the nation was bankrupt» – «a nation glutted with resources»).

С целью дальнейшего развития своей темы оратор использует *антинофору* [14] – риторический приём, состоящий в том, что говорящий ставит вопрос и затем сам на него отвечает. В следующей диктете интеллективного типа М.Л. Кинг рассказывает о разделении законов на справедливые и несправедливые:

«Now, what is the difference between the two? How does one determine whether a law is just or unjust? A just law is a man-made code that squares with the moral law or the law of God. An unjust law is a code that is out of harmony with the moral law» [9].

Вопросы, которые М.Л. Кинг задаёт себе, по сути, являются вопросами, которые по понятным причинам могут возникнуть у слушателя после того, как оратор проводит данное деление. М.Л. Кинг понимает, что его тезис дол-

жен быть подкреплён аргументами и с помощью *антиофоры* даёт необходимые определения. В вышеприведённом примере *антиофора* придаёт диалогичность монологической речи, которая играет важную роль в эффективности воздействия речи на адресата, поскольку она убирает барьер между оратором и аудиторией и создаёт более лояльное отношение к выступающему, тем самым способствуя лучшему восприятию мыслей и идей оратора.

Ещё одним широко используемым логическим средством убеждения является риторический приём *исключение* (лат. *expeditio*) [14]: исключая один вариант за другим, оратор приходит к выводу, что последний оставшийся вариант является верным. Например, в речи *Loving Your Enemies* М.Л. Кинг говорит о том, существует несколько способов реакции у подавляемых людей:

«History unfortunately leaves some people oppressed and some people oppressors. And there are three ways that individuals who are oppressed can deal with their oppression...» [10].

В следующих двух абзацах-диктемах он описывает две возможные реакции (открытое насильственное столкновение и подчинение), анализирует их и приходит к выводу, что они не подходят, а в конце представляет третий способ борьбы – ненасильственное сопротивление:

«... But there is another way. And that is to organize mass non-violent resistance based on the principle of love. It seems to me that this is the only way as our eyes look to the future» [10].

Эффективность *исключения* объясняется его наглядностью и логичностью, и поэтому данный приём часто встречается в речах М.Л. Кинга.

В целом, логическая аргументация М.Л. Кинга является одной из самых сильных сторон его аргументативного дискурса. О его ораторской грамотности свидетельствует разнообразие аргументов к логосу, соблюдение законов логики и ясность изложения мысли.

Аргументы к этосу связаны с личностью оратора, его нравственными качествами и компетентностью. Если оратор является честной, добросовестной, компетентной, скромной и доброжелательной личностью, то шансы на то, что его речь будет воспринята аудиторией, возрастают. Аргументы к этосу часто можно увидеть в начале речи, где оратор старается показать слушателю, что хорошо разбирается в той теме, которую собирается поднять, например:

«I have the honor of serving as president of the Southern Christian Leadership Conference, an organization operating in every Southern state, with headquarters in Atlanta, Georgia. We have some eighty-five affiliated organizations across the South, and one of them is the Alabama Christian Movement for Human Rights. Frequently we share staff, educational and financial resources with our affiliates» [9].

В данной диктеме фактуального типа, представляя себя в качестве президента организации, которая занимается борьбой за гражданские права, М.Л. Кинг демонстрирует аудитории свою авторитетность и осведомлённость в данной области, что существенно усиливает убедительность его речи.

Условно ко второй группе аргументов к этосу мы относим апелляцию оратора к нравственным, моральным и правовым нормам, принятым в социуме. Поднимая темы справедливости и несправедливости, нравственности и

безнравственности, ритор направляет внимание слушателя на важные и безотлагательные проблемы общества, как, например, в следующей диктете импрессивного типа:

«Now is the time to make real the promises of democracy. Now is the time to rise from *the dark and desolate valley of segregation to the sunlit path of racial justice*. Now is the time to lift our nation from *the quicksands of racial injustice to the solid rock of brotherhood*. Now is the time to make justice a reality for all of God's children» [8].

М.Л. Кинг затрагивает тему демократии и справедливости – двух концептов, которые лежат в основе Соединённых Штатов Америки и высоко ценятся всеми американцами. Подчёркивая тот факт, что в настоящее время попирается демократия и отсутствует справедливость, М.Л. Кинг успешно использует аргументы к этосу. Приёмы, создающие стилистическую насыщенность речи (анафорический лексико-синтаксический параллелизм, **развёрнутые метафоры-контрасты**), подчёркивают крайнюю необходимость менять существующее положение вещей.

Последним аргументом к этосу, на котором мы остановимся в данной статье, является аргумент к авторитету (лат. *argumentum ad verecundiam*) – цитата или аллюзия на известный и уважаемый аудиторией источник. С помощью данных аргументов М.Л. Кинг укрепляет свою точку зрения, потому что слушатель с психологической точки зрения чувствует себя увереннее, когда знает о поддержке со стороны известных людей, например:

«It is with such activity that the words of the late John F. Kennedy come back to

haunt us. Five years ago he said, “**Those who make peaceful revolution impossible will make violent revolution inevitable.**” Increasingly, by choice or by accident, this is the role our nation has taken, the role of those who make peaceful revolution impossible by refusing to give up the privileges and the pleasures that come from the immense profits of overseas investments» [7].

Джон Ф. Кеннеди был одним из самых почитаемых и авторитетных президентов США, его называли «любимчиком нации». М.Л. Кинг приводит **точную цитату** президента в подкрепление своего тезиса о необходимости проведения мирной революции. Поскольку весь аргументативный дискурс М.Л. Кинга пронизан контрастом, оратор склонен выбирать цитаты и аллюзии, в которых также присутствует контраст. В приведённом выше примере это хорошо видно.

Аргументы к пафосу, как и аргументы к этосу, есть утверждения, которые апеллируют не к делу, а к участниками общения. Если *аргументы к этосу* направлены на мораль и нормы, принятые в обществе, то *аргументы к пафосу* – на эмоции человека. Их задача заключается в том, чтобы вызвать у адресата определённые чувства и сформировать определённое отношение к описываемому человеку, предмету, явлению. Их традиционно подразделяют на угрозы и обещания, однако мы добавим ещё *аргумент к сожалению*, поскольку в аргументативном дискурсе М.Л. Кинга он встречается достаточно часто. Аргументы к пафосу в основном используются в конце речи, чтобы усилить впечатление от неё. Аргументы к пафосу в речах М.Л. Кинга мы делим на три группы.

1. Аргумент к сожалению (лат. *argumentum ad misericordiam*) – это утверждение, вызывающие сочувствие к тому, что произносит оратор. Как правило, данный аргумент представляет собой эмоционально-импрессию диктету с обилием стилистических приёмов (конвергенцией), например:

«These children – **unoffending, innocent, and beautiful** – were the victims of one of the most **vicious and tragic crimes ever perpetrated against humanity**» [12].

Произнося траурный панегирик по погибшим в теракте девочкам, М.Л. Кинг говорит очень эмоционально, о чём свидетельствует конвергенция стилистических приёмов: **эмоционально-оценочные эпитеты**, парентеза, суперлативная конструкция the most и **гипербола**. Здесь важно отметить контраст эпитетов, демонстрирующий несправедливость и ужас этого теракта, потому что погибли ни в чём не повинные дети. М.Л. Кинг таким образом стремится вызвать сочувствие и сострадание у собравшихся для того, чтобы создать основу для перехода к следующему этапу своей речи – осуждению тех, кто прямо или косвенно виновен в их смерти.

2. Аргумент к силе (лат. *argumentum ad baculum*), который также называют **аргументом к угрозе**, – это утверждение, указывающее на неприятные для аудитории последствия в случае отказа от предложений оратора, например:

«The Negro has many pent-up resentments and latent frustrations, and he must release them. So let him march; let him make prayer pilgrimages to the city hall; let him go on freedom rides – and try to understand why he must do so. **If his repressed emotions are not released in nonviolent ways, they will seek expres-**

sion through violence; this is not a threat but a fact of history» [9].

М.Л. Кинг призывает власть разрешить неграм проводить мирные забастовки, чтобы они могли «выпустить» накопившиеся негативные эмоции, в противном же случае эти эмоции найдут свой выход в насилии. Это один из самых эффективных аргументов в речи М.Л. Кинга ввиду того, что напуганную аудиторию легче склонить к своей точке зрения.

3. Аргументы к обещанию, напротив, состоят в том, что с принятием того или иного решения, предложенного оратором, произойдёт какое-то улучшение. В следующем примере аргумент к обещанию относится к такому концепту, как «надежда»:

«And so as we go away this afternoon, let us go away more than ever before committed to this struggle and committed to nonviolence. I must admit to you that there are still some difficult days ahead. We are still in for a season of suffering in many of the black belt counties of Alabama, many areas of Mississippi, many areas of Louisiana. I must admit to you that there are still jail cells waiting for us, and dark and difficult moments. **But if we will go on with the faith that nonviolence and its power can transform dark yesterdays into bright tomorrows, we will be able to change all of these conditions**» [11].

М.Л. Кинг убеждён, что, несмотря на все предстоящие трудности и испытания, ситуация изменится к лучшему при условии, что политика ненасилия будет соблюдаться. В дискурсе М.Л. Кинга аргументы к обещанию, как правило, встречаются в конце речи, где оратор вселяет надежду и мотивирует аудиторию.

Подытоживая всё вышесказанное, мы приходим к выводу, что языковая личность оратора представляет собой уникальный идиолект оратора, главным компонентом которого является аргументация, с помощью которой оратор воздействует на рассудочную и эмоциональную сферы аудитории, т. е. убеждает или разубеждает аудиторию, побуждает её к действию или призывает воздержаться от каких-либо поступков, поддерживает моральный дух и вселяет надежду на светлое будущее. Изучая аргументативный дискурс оратора, а именно аргументы к логосу, этосу и пафосу, а также стилистические, синтаксические, лексические, грамматические и фонетические приёмы и конструкции, которые оратор использует для подкрепления вышеперечисленных модусов убеждения, мы можем сделать вывод о том, каким элементам языка оратор отдаёт предпочтение в той или иной ситуации общения для того, чтобы его идеи нашли отклик в умах и сердцах слушателей. Одним из мастеров ораторского искусства был Мартин Лютер Кинг. Он умел находить баланс между модусами убеждения в зависимости от типа аудитории, вида и целей своего выступления. В выступлениях информирующего типа превалировал логос, тогда как в речах, где основной целью оратора было убеждение аудитории путём апелляции к этическим нормам или эмоциям, он делал акцент на этосе или пафосе. Грамотное сочетание и баланс модусов убеждения, языковое богатство и риторическая грамотность сделали его речи успешными и надолго запоминающимися, что по праву позволяет нам называть его одной из величайших языковых личностей XX века.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Бенвенист Э. Общая лингвистика. М.: Прогресс, 1974. 448 с.
2. Блох М.Я. Дискурс и системное языкознание // Язык. Культура. Речевое общение. 2013. №1. С. 5–10.
3. Блох М.Я. Диктема в уровневой структуре языка // Вопросы языкознания. 2000. № 4. С. 56–67.
4. Бондалетов В.Д. Социальная лингвистика. М.: Просвещение, 1987. 160 с.
5. Виноградов В.В. О художественной прозе. М.; Л.: Госиздат, 1930. 187 с.
6. Григорьева В.С. Дискурс как элемент коммуникативного процесса: прагмалингвистический и когнитивный аспекты: монография / В.С. Григорьева. Тамбов: Изд-во Тамб. гос. техн. ун-та, 2007. 288 с.
7. King M.L., Jr. Beyond Vietnam [Электронный ресурс]. – URL: http://mlk-kpp01.stanford.edu/index.php/encyclopedia/documentsentry/doc_beyond_vietnam/ (дата обращения: 24.10.2013).
8. King M.L., Jr. I Have A Dream [Электронный ресурс]. URL: <http://www.americanrhetoric.com/speeches/mlkhaveadream.htm> (дата обращения: 25.10.2014).
9. King M.L., Jr. Letter From Birmingham Jail [Электронный ресурс]. URL: <http://abacus.bates.edu/admin/offices/dos/mlk/letter.html> (дата обращения: 15.07.2014).
10. King M.L., Jr. Loving Your Enemies [Электронный ресурс]. URL: http://mlk-kpp01.stanford.edu/primarydocuments/Vol4/17-Nov-1957_LovingYourEnemies.pdf (дата обращения: 25.10.2014).
11. King M.L., Jr. Our God is Marching On [Электронный ресурс]. URL: http://mlk-kpp01.stanford.edu/index.php/kingpapers/article/our_god_is_marching_on/ (дата обращения: 29.08.2014).
12. King M.L., Jr. The Eulogy for the Martyred Children [Электронный ресурс]. URL: <http://mlk-kpp01.stanford.edu/index>.

- php/encyclopedia/documentsentry/doc_eulogy_for_the_martyred_children/ (дата обращения: 10.01.2014).
13. King M.L., Jr. The Three Evils of Society [Электронный ресурс]. URL: <http://ru.scribd.com/doc/134362247/Martin-Luther-King-Jr-The-Three-Evils-of-Society-1967> (дата обращения: 03.09.2014).
14. Silva Rhetoricae: The Forest of Rhetoric [Электронный ресурс]. URL: <http://rhetoric.byu.edu/> (дата обращения: 10.01.2015).
15. Umberto Eco. A Theory of Semiotics. Bloomington, IN: Indiana University Press, 1976. 354 p.

РАЗДЕЛ II. ГЕРМАНСКИЕ ЯЗЫКИ

УДК 8:81

Молчанова Д.В.

Московский государственный областной университет

НОМИНАТИВНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ КОНЦЕПТОВ “LADY” / «ЛЕДИ» (НА ОСНОВЕ АНАЛИЗА СООТВЕТСТВУЮЩИХ СИНОНИМИЧЕСКИХ РЯДОВ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ)

Аннотация. В статье на основе анализа синонимических рядов и соответствующих словарных дефиниций выявляются и систематизируются понятийные характеристики концепта “lady” («леди») в английском и русском языках. Синонимические ряды наряду с дефиниционной характеристикой представляют собой важнейший инструмент уточнения фактуальной информации концепта. Выявляются гипо- и гиперонимические связи, возникающие между синонимами соответствующих концептов, делается экскурс в историю становления аристократических титулов Великобритании, всё ещё обладающих социальной значимостью в этой стране.

Ключевые слова: концепт, понятийные характеристики, концепты lady / леди, синонимические ряды, титул.

D. Molchanova

Moscow State Regional University

NOTIONAL CHARACTERISTICS OF THE CONCEPT “LADY” / «ЛЕДИ» (BASED ON THE ANALYSIS OF SYNONYMOUS ROWS)

Abstract. The paper touches upon the characteristics of the English concept “lady” and Russian «леди», on the basis of analysis of the respective synonymous rows and vocabulary definitions, which are one of the most important means in defining the factual information of the concept. Some hypo- and hyperonimical relations are established and digression on the history of titles (which still play an important role in Great Britain) is made.

Key words: concept, conceptual characteristics, concept lady / леди, synonymous rows, title.

Для уточнения семантического ядра, приядерной зоны и периферии концепта “lady” («леди»), а также вы-

явления возможных дополнительных концептуальных смыслов помимо образных и ценностных характеристик [3; 4] обратимся к рассмотрению си-

© Молчанова Д.В., 2015.

нонимов, репрезентируемых ключевой лексемой. Этот этап исследования представляется значимым ввиду реализации «закона притяжения синонимов», выявленного С. Ульманом в 1970 г. Суть закона заключается в существовании тенденции к обозначению большим количеством синонимов релевантных для той или иной культуры понятий [9, с. 266]. Эти понятия не всегда обозначают положительный языковой опыт в лингвокультуре (так, у лексемы «недостаток» выявлено 73 синонима, у лексемы «слабость» – 118).

В парадигматическом ряду обычно представлены частичные синонимы, совпадающие по определённым денотативным признакам. Эти частичные синонимы образуют синонимические ряды (или синонимические цепочки), связанные семантически, обладающие единым компонентом, но при этом отличающиеся друг от друга значением. В нашем случае рассматривается синонимический ряд существительных, имеющий общий компонент “lady” («леди»); прилагательные как лексемы, образующие синтагматические связи, не рассматриваются.

По данным словаря синонимов *Collins dictionary* [10], существительное “lady” соотносится с двумя достаточно многочисленными группами слов-синонимов, вербализирующими одноимённый концепт и характеризующими выделенные ранее ядерные семы¹:

1) Архисема “*woman*” («женщина»): *woman* (‘женщина’; ‘вторая по-

ловина мужчины’ – MD, LD, OD), *female* (‘женская особь’ – MD, LD, OD), *girl* (‘девушка, девочка’; ‘дочь’; (*устар.* ‘служанка’ – MD, LD, OD), *maiden* (*устар.* ‘дева’), *maid* (‘горничная’; *устар.* ‘дева’ – MD, LD, OD) *lass*, *lassie* (*Scot., North. Eng.* ‘девочка, девушка’ – MD, LD, OD), *damsel* (*устар.* или *лит.* ‘незамужняя девушка’ – MD, LD, OD); *miss* (‘обращение к девушке’; ‘титул королевской красоты’ – MD, LD, OD).

К этому же ряду можно отнести маркированные значения синонимов *dame* (*архаич.* или *юмор.* ‘взрослая или зрелая женщина’ – OD; *брит.* ‘роль переодетого в женщину мужчины в рождественской пантомиме’ – MD, LD, OD), *duchess* (*брит.* ‘ласковое обращение мужчины к женщине’ – OD) и *gentlewoman* (*устар.* ‘хорошо образованная женщина’ – MD).

В группе синонимов можно выделить несколько сем внутри архисемы, например:

– ‘*Woman of particular type or age.*’

Эта сема относится к ближней периферии номинаций концепта “lady” и реализуется в синонимах, имеющих маркированное устаревшее значение (*maid*, *maiden*, *gentlewoman*) и юмористический оттенок значения (*damsel*, *dame*), причём употребительность некоторых из них ограничена территорией Великобритании (*lassie*, *lass*). Существительное *girl* широко используется в современном английском языке, а существительное *miss* используется не только как обращение к незамужней женщине, но и передаёт значение ‘победительница конкурса красоты’ – ‘a winner in a beauty contest’. Существительное *dame* – *дама* имеет дополнительное значение ‘актёр, играющий женскую роль в пантомиме’ – ‘a man

¹ В скобках указаны словари, в которых представлены перечисленные семы – MD (*Macmillan dictionary*) [13], LD (*Longman dictionary of contemporary English*) [12], OD (*Oxford dictionary*) [14].

playing a female character in a pantomime'.

– 'Reference'. Синонимы в данной семье представлены лишь словами **duchess** и **miss**, причём **duchess** в дальней периферии также имеет значение 'an affectionate form of address by man to a woman', используемое в основном в британском кокни.

Три существительных – **charlie** (Australian, slang – *девушка, женщина*), **chook** (Australian, slang – *женщина*) и **wahine** (New Zealand – *девушка, жена*) – представляют собой сленговые слова из австралийского и новозеландского вариантов английского языка, поэтому нами не рассматриваются.

2) Семa "noblewoman":

(a) 'a courteous, decorous or genteel woman' ('благовоспитанная женщина');

(b) 'an admirable woman' ('достойная восхищения женщина');

(c) 'a title of a woman in the U.K' ('*lady*, аристократка в Великобритании').

К этой группе синонимов относятся следующие лексемы: **gentlewoman** (*ист.* 'женщина знатного происхождения' – MD, OD, LD), **duchess** ('супруга или вдова герцога, а также герцогиня по праву' – MD, OD, LD), **noble** ('человек благородного происхождения' – LD, OD), **dame** ('титул женщины, награжденной орденом Британской империи' – MD, OD, LD), **baroness** ('супруга или вдова барона и женщина, принадлежащая знати по праву' – MD, OD, LD), **countess** ('супруга или вдова графа и женщина, принадлежащая знати по праву' – MD, OD, LD), **aristocrat** (*аристократка* – MD, OD, LD), **viscountess** ('супруга или вдова виконта, а также виконтесса по праву' – MD, OD, LD), **noblewoman** ('титованная

дворянка' – MD, OD, LD), **peeress** ('супруга пэра и титулованная дворянка' – MD, OD, LD).

Синонимы **gentlewoman** ('a woman of noble birth or good social standing'), **noble** ('belonging by rank, title, or birth to the aristocracy'), **aristocrat** ('a member of aristocracy') и **noblewoman** ('a woman who belongs by rank, title, or birth to the aristocracy'; 'a peeress') и **peeress** ('a woman holding the rank of a peer in her own right or a wife / widow of a peer') представляют собой гиперонимы по отношению к понятию «*lady*». Дефиниции этих синонимов содержат значения принадлежности к «aristocracy» (аристократии) и «noble» (людям благородного происхождения).

Одним из определений подсемьы 'a title of a woman in the U.K', представленном в англоязычных словарях, является 'титул супруги и родственниц пэра, жён и вдов рыцарей'. На дефиниционном уровне происходит синонимизация значения.

Разобраться в иерархии титулов, их системе и порядке получения в Великобритании довольно непросто, но попробуем привести краткое разъяснение.

В книге Т.А. Ивушкиной «Язык аристократии: социально-исторический аспект» появление пэрства связывается с общей системой награждения и вручения особых знаков отличия. Возникло оно во времена начала войн, когда враждующим сторонам необходимо было отметить заслуги вождя, которые сохранились и в наше время [2, с. 34]. До сих пор в Великобритании действует система наград, предусматривающая ордена почёта за заслуги перед Отечеством во время военных операций, и наследование титулов.

Всего у пэров имеются следующие пять рангов в порядке убывания их значимости: *герцог, маркиз, граф, виконт, барон*. Обычно титулами обладают мужчины, а женщины получают титул в двух случаях [11]:

1. «Титул учтивости» (*“courtesy title”*).

Его обладательница не наделена привилегиями, которыми обычно обладают держатели титула. Получает она таковой только лишь став супругой (вдовой, дочерью, женой младшего сына) герцога, супругой (вдовой, дочерью) барона (*baroness*), графа (*countess*), женой (вдовой) виконта (*viscountess*), а также женой младшего сына маркиза (*marquise, marchioness*) или его дочерью. Дочери обладают титулом учтивости до замужества или до вступления в титул по праву после смерти отца.

2. «Титул по праву» (*“in her own right”*).

В этом случае герцогиня, баронесса, графиня, виконтесса или маркиза сохраняла титул для старшего сына, становясь «носителем» титула; при отсутствии сына – передавала его наследнице женского рода, которая в свою очередь передавала титул сыну. Кроме того, дочери герцогов, баронов и маркизов наследуют титул отца после его кончины по решению Парламента (при отсутствии сыновей).

В настоящее время титулом баронесс и графинь по праву обладают лишь несколько англичанок и шотландок (*Ladies Berners, Braye, Dacre, D’Arcy de Knayth, Dudley, Strange*).

Женщина, получившая орден от королевы за особые заслуги перед Отечеством, именуется «кавалерственной дамой» (*Dame*). Обладательницей титула может стать и не англичанка. Так, в 2014 г/ американская актриса Анжелина Джоли была произведена британской королевой в «кавалерственные

Таблица 1

Название женских титулов (Women’s titles)

Peerage type	“Courtesy title”		“In her own right”
	<i>Wife / widow</i>	<i>Daughter</i>	
Duke	Duchess <Husband’s Title> / Her Grace	Lady <Firstname> <Surname>	Duchess <Her Title> / Her Grace
Marquess	Lady <Husband’s Title>	Lady <Firstname> <Surname>	Lady <Her Title>
Earl	Lady <Husband’s Title>	Lady <Firstname> <Surname>	Lady <Her Title>
Viscount	Lady <Husband’s Title>	The Honourable <Firstname> <Surname>	Lady <Her Title>
Baron	Lady <Husband’s Title>	The Honourable <Firstname> <Surname>	Lady <Her Title>

дамы» за заслуги в области благотворительности.

В приведённой ниже таблице представлены наименования женских титулов Великобритании (табл. 1).

Перечисленные синонимы *duchess, baroness, countess, viscountess, dame* являются гипонимами к понятию “lady” – ‘a title of a woman in U.K’, а существительное “lady” выступает гиперонимом к синонимам, обозначающим титулы пэрства. “Lady” обозначает особу, обладающую титулом учтивости, полученным благодаря замужеству или передаче по наследству от отца. В обоих случаях женщина находится в зависимом от мужчины положении при приобретении титула *Леди*.

Как убеждает анализ, существительное “lady” и его синонимы находятся в гипо-гиперонимических отношениях относительно друг друга. Проиллюстрируем это схематически:

Гипо-гиперонимические отношения синонимических рядов существительных семы “noblewoman” концепта “lady”

Gentlewoman	>	>	Duchess	
Noble	>	>	Baroness	
Aristocrat	>	LADY	>	Countess
Noblewoman	>	>	Viscountess	
Peeress	>	>	Dame	

В целом можно отметить, что эти две группы синонимов объединены в архисему *woman* и сему *noblewoman*, соответствующие уже выделенным понятийным признакам внутри ядра концепта “lady”.

У некоторых из уже перечисленных синонимов возможно выделить дополнительные признаки: *Dame* (‘a British

title given to a woman as an honour for achievement or for doing good things’), *dame* (‘a man playing a female character in a pantomime’), *duchess* (‘an affectionate form of address my man to a woman’), *miss* (‘a winner in a beauty contest’).

В отличие от английского языка, синонимические ряды существительных – наименований титулов в русском языке не столь велики. По данным онлайн-словаря русских синонимов на словарной базе ASIS, морфологии «rhpMorphu» и морфологических словарей АОТ (одним из редких, где данная лексема присутствует), у существительного «леди» только два синонима – «госпожа» и «дама» [5; 6]. Обратимся к дефинициям этих слов.

В двух лексикографических источниках (в словарях Ф.Ф. Павленкова, Л.П. Крысина) лексема «госпожа» не зафиксирована, в других (в словарях под ред. Д.Н. Ушакова, Т.Ф. Ефремовой, а также в толковом словаре С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой) – толкуется через существительное «господин»¹ [8].

Если мы экстраполируем приведённые выше дефиниции на лиц жен-

¹ 1) ‘Дворянин, помещик, барин (в Российском государстве до 1917 г.), тот, кто принадлежал к привилегированным слоям буржуазно-дворянского общества’ (толковый словарь под ред. Д.Н. Ушакова); 2) при фамилии или звании – формула вежливого упоминания или обращения к лицу из господствующих классов, в т. ч. к гражданам буржуазных государств (офиц.). В журнальной и газетной полемике, а также в устной речи – формула иронического упоминания своего противника или лица, не заслуживающего уважения (словарь под ред. Т.Ф. Ефремовой, толковый словарь С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой); 3) тот, кто может, способен распоряжаться чем-либо по своему усмотрению (словарь под ред. Т.Ф. Ефремовой, толковый словарь С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой) [8].

ского пола ('дворянка, помещица', 'та, кто может распоряжаться чем-либо' и т. д.), то через синоним «госпожа» реализуются семы 'аристократка (в Великобритании)', 'женщина буржуазно-дворянского общества', а также употребление данной лексемы в качестве **обращения** (иронического).

Такие же семы были выделены при анализе концепта «lady» («леди»). Ещё одной важной подсемой является '**достойная восхищения женщина**'. В синониме «госпожа» эта подсема не просматривается в явном виде. Однако можно предположить, что из третьего определения («тот, кто способен распоряжаться чем-либо по своему усмотрению») эта подсема косвенно выделяется (ср.: госпожа вольна распоряжаться своей судьбой по своему усмотрению, она сама себе хозяйка). Аналогичное заключение можно сделать относительно подсемы '**хозяйка (дома), управительница**' (определённые словаря А.Д. Михельсона).

У синонима «дама» дефиниций значительно больше¹. Вообще, как нами уже было отмечено, слово «дама» достаточно часто коррелирует с "lady" при переводе на русский язык. Обратимся к обобщённым дефинициям этого слова:

1. На первой позиции во всех словарях стоит понимание **дамы** как *женщины, принадлежащей состоятельному интеллигентному кругу*, причём приводятся такие синонимы, как *госпожа, барыня, боярыня*. Под *интеллигентными* понимаются в первую очередь культурные и образованные люди, и

¹ Данная лексема присутствует, в том числе, и в словаре В.И. Даля во многих вариациях при том, что толкования «госпожи» и «леди» там отсутствуют [1].

это значение играло определённую роль в российской истории, поскольку русская интеллигенция занимала свою особую нишу в обществе.

2. Во втором по частотности значении синонима «дама» реализуется сема '**обращение**', точнее – '**почтительное обращение**' (как правило, к женщине из высших слоёв); ср. также синонимичное к «леди и джентльмены» обращение «дамы и господа».

3. Тот факт, что «леди» в русском языке обозначает супругу лорда, а «дама» является замужней женщиной, роднит эти две лексемы. Значение *дамы* как партнёрши кавалера также передаёт идею неделимости мужчины и женщины.

К числу русских культуронимов, составляющих периферию значений, словари относят *классную даму* ('надзирательница в девичьих учебных заведениях'), *кавалерственную даму* ('получившая орден св. Екатерины'), *музыкальную даму* ('учительница музыки') и *фигуру в игральных картах*².

Таким образом, можно отметить своего рода «историчность» значения лексемы «дама», её маркированность, относительную малоупотребительность этого существительного в повседневной жизни. И всё же *дама* встречается в русской речи гораздо чаще, чем *леди*. Данный факт иллюстрируется тем, что французское заимствование *дама* полностью ассимилировалось, обретя свойственную русскому языку грамматическую категорию склонения, отсутствующую у *леди*.

² Толковый словарь под ред. Д.Н. Ушакова добавляет к этому списку значение, представляющее нам спорным, – '**царица, ферзь в шахматах**'.

То же самое можно сказать и о синониме **госпожа**, который во многих отношениях дополняет **даму**. В своей совокупности значения обоих слов совпадают с большинством сем концепта “**lady**”. Другими словами, значения сем, которые в английском языке напрямую раскрываются через лексему *lady*, в русском реализуются через лексемы *госпожа* и *дама*. Например, *госпожа* выступает в значении ‘**хозяйка**’ (‘*lady of the house*’), а *дама* имеет значение ‘**дама сердца**’ (‘*a woman who a man is chivalrously devoted to, lady*’). Через эти же два синонима в какой-то мере реализуется и понимание **леди** как особы, тесно связанной с высшим обществом.

Что касается семы ‘**обращение**’, то англ. *lady* в первую очередь обозначает обращение к женщине вообще; у русск. *госпожа*, *дама*, и *леди* в этом значении имеется оттенок ироничности.

Подводя итог номинативным характеристикам концептов *lady* (**леди**), базирующимся на анализе соответствующих синонимических рядов существительных, мы можем заключить следующее:

1. В английском языке существует сема **noblewoman**, объединяющая в себе понятия благовоспитанной, достойной восхищения женщины, и обладательницы титула в Великобритании. В русском языке такой градации нет, и при этом не существует уточнений, связанных с тонкостями получения женщиной соответствующего титула [7].

2. Английский концепт “**lady**” имеет чётко выделяемые подсеммы ‘**благовоспитанная женщина**’ и ‘**достойная восхищения женщина**’ внутри семы ‘**женщина с особым статусом**’. В рус-

ском языке данные подсеммы описываются опосредованно – через синонимы *госпожа* и *дама* в значении ‘**дворянка, помещица, боярыня**’ и ‘**интеллигентная обеспеченная женщина**’ (как правило, ‘жена высокопоставленного чиновника’).

3. Нами было отмечено, что к числу культуронимов в русском языке относятся значения синонима *дама* как ‘**партнёрша кавалера в танцах**’, ‘**классная, музыкальная и кавалерственная дамы**’, а также значение ‘**фигура в игральные карты**’. Английскими культуронимами являются значения синонимов *Dame* (‘*a British title given to a woman as an honour for achievement or for doing good things*’), *dame* (‘*a man playing a female character in a pantomime*’), *duchess* (‘*an affectionate form of address my man to a woman*’) и *miss* (‘*a winner in a beauty contest*’).

ЛИТЕРАТУРА:

1. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. Том I: А-З. СПб.; М.: Товарищество М.О. Вольфа, 1903. 877 с.
2. Ивушкина Т.А. Язык английской аристократии: социально-исторический аспект. Волгоград: Перемена, 1997. 156 с.
3. Молчанова Д.В. Концепт “*lady*” / «леди» с позиции образа и ценностей // «East West» Association for Advanced Studies and Higher Education GmbH. Vienna, 2014. С. 185–189.
4. Молчанова Д.В. Образные характеристики лингвокультурного концепта «леди» (на материале ассоциативного эксперимента среди русскоязычных респондентов) // Вестник Московского Государственного Областного Университета. Серия: Лингвистика. 2014. № 5. С. 72–76.
5. Словарь русских синонимов [Электронный ресурс]. URL: <http://pr->

- су.ru/synonyms/ (дата обращения: 16.07.2014).
6. Словарь русских синонимов [Электронный ресурс]. URL: <http://jeck.ru/tools/SynonymsDictionary/> (дата обращения: 16.07.2014).
 7. Титулы – иерархия, права наследования, правила обращения и т. п [Электронный ресурс]. URL: <http://svetico.narod.ru/regency/customs/tytles03.html> (дата обращения: 16.07.2014).
 8. Толковые словари под редакцией Ефремовой Т.Ф., Крысина Л.П., Михельсона А.Д., Ожегова С.И и Шведовой Н.Ю., Павленкова Ф.Ф., Ушакова Д.Н. [Электронный ресурс]. URL: <http://dic.academic.ru/> (дата обращения: 16.07.2014).
 9. Ульман С. Семантические универсали // Новое в лингвистике. М., 1970. Вып. V. С. 250–259.
 10. Collins English Thesaurus [Electronic resource]. URL: <http://www.collinsdictionary.com/english-thesaurus> (дата обращения: 16.07.2014).
 11. Laura A. Wallace. Courtesy titles [Electronic resource]. URL: <http://www.chinet.com/~laura/html/titles05.html#JohnHopfner> (дата обращения: 16.07.2014).
 12. Longman dictionary of contemporary English [Electronic resource]. URL: <http://www.ldoceonline.com/> (дата обращения: 16.07.2014).
 13. Macmillan dictionary [Electronic resource]. URL: <http://www.macmillandictionary.com> (дата обращения: 16.07.2014).
 14. Oxford dictionary [Electronic resource]. URL: <http://www.oxforddictionaries.com/> (дата обращения: 16.07. 2014).

УДК 811.11-112

Федорова Н.А.*Московский государственный гуманитарный
университет им. М.А. Шолохова***ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ
НЕКОТОРЫХ АНГЛИЙСКИХ ТОПОНИМОВ**

Аннотация. В статье анализируется этимология английских топонимов, выявляются их связи с наименованиями древних поселений. Как показывают результаты анализа, в структуру ряда современных топонимов входят компоненты бриттского происхождения. Фонетический анализ структуры топонима позволяет выявить закономерности фонетических трансформаций в разные исторические периоды. Проведённое исследование подтверждает истинность положения о существовании тесной взаимосвязи между процессом наименования территорий и историей народов, населявших их.

Ключевые слова: топоним, топонимика, фонетические мутации, кельты, бритты.

N. Fedorova*Sholokhov Moscow State University for the Humanities***PECULIARITIES OF FORMATION OF SOME ENGLISH TOPONYMS**

Abstract. The article analyses etymology of some English toponyms and reveals their connection with the names of ancient settlements. The results of the analysis show that the structure of English toponyms contains components of Brittonic origin. Phonetic analysis of toponyms reveals the regularities of phonetic transformations at different periods of history. This study confirms the theory of close connection between toponymy and history.

Key words: toponym, toponymy, phonetic mutation, Celts, Britons.

Карты топонимических обозначений объектов земного и водного пространства составлялись с незапамятных времён. В каждом государстве составлялись подробные картографические описания земель соседей, что делалось с определёнными стратегическими целями, прежде всего с целью возможной военной экспансии, установления торговых отношений, требующих нахождения кратчайших путей (таких как путь «из варяг в греки» или «Хождения за три моря» Афанасия Никитина). При этом подробно описы-

вались и фиксировались на карте сухопутные и водные маршруты, наименования дорог, топонимы и гидронимы.

Процесс называния географически важных пунктов следования, как правило, сопровождался уточнением при помощи пространственных ориентиров, например, наименования зданий (таких как *Castle* / «замок», повторяющееся во многих топонимах: *Downcastle, Oldcastle, Newcastle*).

Сохранение в топонимах исторического наименования народа, некогда проживавшего на определённой территории, – одно из языковых свиде-

тельств, дошедших до нашего времени, оказавшихся наиболее устойчивыми, несмотря на политические события, вызвавшие миграции народов и перекройку карты мира [1; 2; 4; 6; 7]. Так, по свидетельству многих исследователей, большинство топонимов в современной Англии – бриттские по происхождению, то есть кельтские [1; 2; 5; 8; 9; 10]. На это указывает наличие в первой части топонима компонента *Wal* (в названиях городов *Walton*, *Walcott*). По утверждению известного исследователя Э. Моуэра, такие наименования восходят к древнеанглийским – **Wealh* / «чужеземец» – и обозначают названия единичных поселений бриттов среди многочисленных германских поселений. Эти названия выделяют поселения бриттов из множества германских поселений [9, p. 29].

Как отмечает Р.Е. Захриссон, древнеанглийское слово “*wealh*” имеет значение «раб», а слово “*wall*” может восходить к древнеанглийскому “*weall*”, “*wall*” – «каменная стена» или к древнеанглийскому “*wlald*”, “*wald*” – «лес» [10].

Наименований поселений бриттского происхождения, в составе которых есть название народа «бритты» / “*Brittas*” (*Bretby*, *Birkby*), на карте Великобритании значительно больше [10].

На карте древней Англии обращает на себя внимание наличие топонимов с компонентом “*shire*”. Топонимы с этим компонентом сохранились и на карте современной Англии. По убедительному утверждению К. Бруннера этот компонент свидетельствует о том, что в данной местности существовало множество кельтских поселений. Как показывает анализ, такое положение справедливо по отношению к Западу страны, особенно *Линкоширу*, где

кельтское население проживает на нескольких смежных областях (в *Сомерсетшире*, *Девоншире*, *Дорсетшире*, в Западных частях *Глостершира*, *Вустершира*, *Херсфордшира*, а также в *Уилтшире*). В то же время «... в Чешире их меньше, чем в Ланкашире» [1, с. 30].

Рассуждая о наименованиях кельтских поселений, Р.И. Захриссон приводит ряд топонимов, в состав которых входит компонент “*shire*”, и подчёркивает единичный характер подобных наименований в Оксфордшире и Бэкингемшире [10].

Повторяемость компонентов (*castle*, *shire*) в составе топонима представляет собой языковой знак и служит пространственным ориентиром на местности [7].

Более того, такой языковой символ позволяет исследователям уточнить местожительство народа, к языковой системе которого относится языковой компонент [1; 2; 3; 4]. Часто такие топонимические обозначения пространства позволяют оспаривать утверждения отдельных учёных и научных коллективов. Так, можно утверждать, что на территории древнего Альбиона, даже после завоевания германцами, сохранились кельтские поселения, и часть кельтского населения сохранилась после прихода в Британию новых завоевателей. В подтверждение этому факту приведём точку зрения К. Бруннера: «Возможно, что в пределах территории, занятой германцами, продолжали существовать мелкие кельтские поселения. Общепринятое до сих пор мнение, что коренное население было полностью уничтожено или изгнано на запад, в настоящее время разделяется не всеми. Уже Будда (*Hist. Eccl.*, I, 15) рассуждает не столько об истреблении

бриттов, сколько о рабстве и нищете, в которые они были ввергнуты, о бедственной жизни в лесах и в горах и о бегстве из страны. Поскольку большие пространства страны были мало заселены, новые поселенцы находили, конечно, свободные земли. Кроме того, кельты предпочитали, по-видимому, возвышенные сухие области, а германцы – земли и долины рек» [1].

Итак, можно предположить, что бритты удержались в лесах и холмистых местностях, особенно на территориях, завоёванных позднее, и лишь постепенно смешались с германцами. Об этом свидетельствуют также географические названия. В областях, завоёванных германцами ранее, догерманские названия встречаются реже, чем в областях, завоёванных позже [1].

Это мнение разделяет и Е. Эквалл, утверждавший, что на карте Англии «... помимо обычных кельтских названий, можно встретить названия, принятые кельтами для топографических обозначений, например: “pen” – «вершина горы», “cruk” – «высота», “bre” – «холм». И эти названия находятся чаще на западе, чем на востоке» [8, p. 16].

Как известно, завоевание Британии саксами происходило постепенно, в течение нескольких веков, и саксы разделились территориально, оккупировали обширные территории юго-востока и центра острова Британия. На этих территориях образовалось семь относительно независимых королевств (Kingdoms), в период так называемого Семивластия (Heptarchy) населённых германскими племенами англов и саксов (Уэссекс, Суссекс, Эссекс, Восточная Англия, Нортумбрия, Мерсия) [2]. Это обстоятельство зафиксировано в

их наименованиях, содержащих компонент “saxon”. Ср.: “Sussex”, “Wessex”, где *Sussex* означало «южные саксы», то есть “Southern Saxon”; соответственно “Esex” – «восточные саксы», то есть “Easten saxons”; а “Wessex” – «западные саксы», то есть “Western Saxons”. По этому же принципу пространственной ориентации «Север – Юг – Запад – Восток» образовано название королевства, населённое родственным племенем – англами – “Easter England” (см. карту Англии около 825 г., приводимую обычно при рассмотрении территориальных границ Гептархии).

На карте Англии обнаружены многочисленные топонимы, дошедшие до нашего времени и содержащие компонент “Castle”, который в течение многовековой истории развития английского языка претерпел ряд фонетических изменений:

1) в результате процесса опрощения перестал произноситься звук [t], и слово “Castle” уже к концу среднеанглийского периода получает новое звучание: Old English [KASTLƏ] > Middle English [KASL];

2) под влиянием французского языка после норманнского завоевания появляется ещё один вариант произношения и написания слова, в котором начальный звук [K] переходит в звук [tʃ] и слово пишется как *Chester*, а произносится как [честер] / [tʃester].

Топонимы, зафиксировавшие названия народов, населявших определённую территорию, позволяют проследить пути древнейших миграций населения. Так, название полуострова Франции «Бритонь» даёт основание предположить, что полуостров некогда населяли «Бритты», переселившиеся туда в результате притеснений,

вызванных германским завоеванием Южной и Юго-Восточной части Англии. В подтверждение сказанному приведём следующее положение, выдвинутое М. Ферстером: «Бритты освобождали место для новых поселений также эмиграцией. Она была направлена в сторону полуострова Арморика и началась, по-видимому, также после германского завоевания, так как уже после 460 г. римские писатели часто упоминают о бриттах, живущих в местностях севернее Лауры, а в 468 г. британский епископ принимает участие в церковном синоде в г. Туре. К тому же в британском языке встречается ряд германских слов, скорее всего являющихся заимствованными британцами из древнеанглийского языка в VI в.» (цит. по: [1, с. 31]). Как заключает К. Бруннер, «их государство на новой родине, как и на старой, стало носить то же название» [1, с. 32].

Можно привести немало примеров в пользу этого утверждения о тесной связи процесса наименования территорий и историей народов, населявших их.

Отметим, что в более поздний период на карте Великобритании не появляется топонимов с компонентами “castle” / “chester”. К этому времени строительство замков как крепостных фортов прекратилось. Военные лагеря, в которых часто проживали и мирные жители по пути в новые, ещё не освоенные ими земли, именовались “camps”, но они, как правило, затем переходили в большие поселения, в названии которых топоним иногда сохранял компонент [Kθmp] с ослабленным гласным, где звук [ж] редуцировался до нейтрального [θ] через неударную форму [e].

ЛИТЕРАТУРА:

1. Бруннер К. История английского языка. Т. I. М.: Изд-во иностранной литературы, 1955. 392 с.
2. Ильиш Б.А. История английского языка. М.: Высшая школа, 1968. 420 с.
3. Кошечкина И.Г. Типология английского и русского языков в схемах и диаграммах: Теоретический курс: учебное пособие. Изд. 2-е. М.: ЛЕНАНД, 2014. 160 с.
4. Кошечкина И.Г. О языке как особом средстве отражения действительности // Теоретические и прикладные аспекты лингвистики. М.: РИЦ МГУ им. М.А. Шолохова, 2013. С. 56–59.
5. Ощепкова В.В. Вариативная англоязычная картина мира в лексикографических источниках // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2010. № 6. С. 28–36.
6. Свиридова Л.К. Языковая и речевая сущность топонимики // Англiстика та американистика. Дніпропетровськ: Видавництво ДНУ, 2014. С. 60–65.
7. Свиридова Л.К. Категория тождества в процессе осознания объекта // Вестник Московского государственного гуманитарного университета им. М.А. Шолохова. Серия «Филологические науки». 2013. № 4. С. 58–62.
8. Ekwall E. Scandinavians and Celts in the North West of England. Lund: Lunds Universitets Arsskrift, N.F. XIV. 1963. 164 p.
9. Mawer A. Problems of place name study. Being a course of three lectures delivered at King's college under the auspices of the University of London. Cambridge: University press, 1929. 140 p.
10. Zachrisson R.E. Romans Kelts and Saxons in Ancient Britain. An investigation into the two dark centuries (400-600) of English History // Skrifter utgifna av Kungl. Humanistiska Vetenskaps-Samfundet i Uppsala. XXIV. 12. Uppsala, Almqvist & Wiksell; Leipzig: O. Harrassowitz, 1927. P. 24.

УДК 81'233

Федосова А.К.*Московский государственный областной университет***ХАРАКТЕРИСТИКИ ВОСПРИЯТИЯ НАЗВАНИЙ
СПОРТИВНЫХ ИГР ДЕТЬМИ ШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА
(ОПЫТ ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ)**

Аннотация. Статья посвящена проблеме формирования семантического поля у детей среднего школьного возраста на материале темы «Спорт». С этой целью был проведён опрос школьников 12–15 лет. Результаты проведённого опроса позволили выявить чётко сформированные лексические классы у всех испытуемых и установить тактику их поведения. Кроме того, представлен экскурс в историю проблематики и уточнены некоторые понятия. В целом экспериментальное исследование показало, что иноязычные наименования во всех возрастных группах опознаются лучше, чем исконно русские.

Ключевые слова: семантическое поле, семантическая категория, сема, опрос, спортивные игры.

A. Fedosova*Moscow State Regional University***PERCEPTION CHARACTERISTICS OF SPORT GAMES TITLES
BY CHILDREN OF THE SCHOOL AGE (EXPERIENCE OF A PILOT STUDY)**

Abstract. The article deals with the problem of the formation of semantic field in the minds of junior teenagers. The sports theme was chosen and a survey of school pupils of 12-15 years old was conducted. The results of this survey allow to reveal how accurately children understand and identify lexical classes, and to establish tactics of their behavior. In general foreign names are identified better than Russian in groups of all ages. In addition the development of the problem is presented in the article and some terms are specified.

Key words: survey, semantic category, semantic fields, seme, sport games.

Для решения задач нашего исследования необходимо рассмотреть понятие семантического поля. *Семантическое поле* – термин, применяемый в лингвистике чаще всего для обозначения совокупности языковых единиц, объединённых каким-то общим (интегральным) семантическим признаком, – иными словами, имеющих некоторый общий нетривиальный компонент значения. Первоначально в роли таких

лексических единиц рассматривали единицы лексического уровня – слова; позже в лингвистических трудах появились описания семантических полей, включающих также словосочетания и предложения [1].

Семантическое поле обладает следующими основными свойствами:

1) оно интуитивно понятно носителю языка и обладает для него психологической реальностью;

2) оно автономно и может быть выделено как самостоятельная подсистема языка;

3) единицы семантического поля связаны теми или иными системными семантическими отношениями;

4) каждое семантическое поле связано с другими семантическими полями языка и в совокупности с ними образует языковую систему [5].

В основе теории семантических полей лежит представление о существовании в языке некоторых семантических групп и о вхождении языковых единиц в одну или несколько таких групп [3]. В частности, словарный состав языка (лексика) может быть представлен как набор отдельных групп слов, объединённых различными отношениями: синонимическими (*хва-стать – похваляться*), антонимическими (*говорить – молчать*) и т. п.

Возможность подобного представления лексики в виде объединения многих частных систем слов обсуждалась ещё в лингвистических трудах XIX в., например, в работах М.М. Покровского [7]. Сам термин «семантическое поле» начал активно употребляться после выхода в свет работы Й. Трира «Немецкая лексика понятийной области интеллектуальных свойств. История языкового поля с древнейших времён до начала 13 века», 1931 г. [11].

Формирование семантического поля происходит в направлении всё большей дифференциации, с постепенным выделением центра, ядра. Так, на начальных этапах преобладают случайные ассоциации. В дальнейшем появляются слова-реакции, имеющие какие-то смысловые, ситуативные связи со словом-стимулом (*дерево – дом,*

собака – будка). И, наконец, в последнюю очередь появляются ассоциации центра семантического поля, когда слова-реакции отличаются от слова-стимула лишь одним дифференциальным признаком (*дерево – берёза, высоко – низко*). Характер ассоциаций у детей различного возраста хорошо показывает, с одной стороны, тесную связь между формированием способов обобщения и семантикой языка, с другой стороны, динамику организации семантических полей [2; 4].

Семантические поля могут пересекаться или полностью входить одно в другое. Значение каждого слова наиболее полно определяется только в том случае, если известны значения других слов из того же поля.

Кроме того, *семантический признак*, лежащий в основе семантического поля, может также рассматриваться как некоторая понятийная категория, так или иначе соотносящаяся с окружающей человека действительностью и с его опытом. Не противоречит подобному рассмотрению интегрального семантического признака и тот факт, что семантическое поле воспринимается носителями языка как некоторое самостоятельное объединение, соотносимое с той или иной областью человеческого опыта, т. е. психологически реальное [6; 10].

Наиболее простая разновидность семантического поля – поле парадигматического типа, единицами которого являются лексемы, принадлежащие к одной части речи и объединённые общей категориальной семой в значении. Такие поля нередко также именуется *семантическими классами* или *лексико-семантическими группами*.

Сам термин *семантическое поле*

сейчас всё чаще заменяется более узкими лингвистическими терминами: *синонимический ряд*, *лексическое поле*, *лексико-семантическое поле* и т. п. Как отмечают И.М. Кобозева, Л.М. Васильев, связи между единицами отдельного семантического поля могут различаться по «широте» и специфичности. Наиболее общие типы связей – это связи парадигматического типа (синонимические, антонимические, родо-видовые и др.) [3; 5].

Для выявления и описания семантических полей нередко используются методы компонентного анализа и ассоциативного эксперимента. Группы слов, полученные в результате ассоциативного эксперимента, носят название *ассоциативных полей*.

В качестве примера рассмотрим семантическое поле «спорт». Известно, что спорт играет важную роль в жизни современного человека. Каждый год появляются новые виды спорта, проводятся различные международные соревнования, развивается олимпийское движение, спортивные мероприятия получают широкое освещение в медиа и т. д. Задача нашего исследования – выяснить, в каком возрастном интервале формируется семантическое поле «спорт». Для осуществления этой задачи используется комплекс различных методов исследования, среди которых опрос, метод количественной (статистической) обработки материала, ассоциативный эксперимент и элементы компонентного анализа.

Нами был проведён опрос трёх групп детей: 56 человек – в возрасте 10–11 лет, 38 человек – в возрасте 12–13 лет и 20 человек – в возрасте 14–15 лет. Все они ученики общеобразовательной школы г. Москвы.

Испытуемым были предложены анкеты с 26 словами – названиями видов спорта и спортивных игр. Слова включали в себя названия традиционных (классических) видов спортивных игр (например, *лапта*, *городки*), недавно появившихся видов спорта и спортивных игр (*слэक्лайн*, *паркур*), широко известных в нашей стране и мало известных (*рафтинг*, *волейбол*). Подчеркнём, что значительная часть названий видов спорта и игр – это слова-заимствования из английского языка, поэтому знание школьниками английского языка могло помочь им в выполнении задания эксперимента. В таком случае мы обращали внимание на то, какие семы выделяет опрашиваемый.

Испытуемым предлагалось дать определение словам в анкете, при этом в инструкции указывалось, что в этом эксперименте нет правильных или неправильных решений. В случае, если испытуемый не знал того или иного слова, предлагалось высказать предположение о том, что это за игра или вид спорта.

Проанализируем результаты эксперимента со школьниками двух возрастных групп: 1-ая группа – школьники 12–13 лет, 2-ая группа – школьники 14–15 лет. Всего получено 1508 ответов.

Полученные ответы сопоставим со словарными определениями, зафиксированными в Толковом словаре Ефремовой, Энциклопедическом справочнике «Спортивные игры», Словаре иностранных слов, а также в словаре «Терминология спорта. Толковый словарь спортивных терминов» [8; 9]. Всего нами отобрано 26 названий видов спорта и спортивных игр: *лапта*, *городки*, *кёрлинг*, *дайвинг*, *бейсджампинг*,

паркур, стритрейсинг, йо-йо, картинг, пейнтбол, волейбол, рафтинг, дартс, крокет, мотобол, ножки, выше ножки от земли, жмурки, квадрат, резиночки, вышибалы, фризби, сёрфинг, горячая картошка, сокс, слэक्лайн.

Рассмотрим полученные результаты.

1. **ГОРОДКИ** – «старинная русская игра – соревнование двух соперников или двух команд по выбиванию битами городошных фигур, построенных на специальной площадке». Выделяются следующие семы (компоненты значения): 'игра', 'команда', 'бита'.

48 % опрошенных школьников 1-ой группы не знали, что это за игра, поэтому в их ответах преобладали фонетические ассоциации; например: *городки – это игра в города, города, но маленькие.* 39 % испытуемых хорошо знают эту игру, поэтому и дали соответствующие ответы; например: *городки – игра, где надо палкой сбить постройку, составляют домик (даже была дана иллюстрация) из брусков (палочек) и кидают в него палкой длинной так, чтобы все бруски разлетелись.* 13 % опрошенных не дали ответа.

Большинство испытуемых 2-ой группы также не знали этой игры, поэтому в их ответах аналогично преобладали фонетические ассоциации; например: *городки – это игра в города, игра, в которой перечисляешь города* (50 %). Менее половины опрошенных (44 %) показали знание сути игры: *городки – это игра, в которой нужно выбить деревянной палкой другие палки, это сбивание большой палкой строения из маленьких досок или палочек, игра, в которой надо бросать палкой в конструкции с определённого места.* 6 % испытуемых дали следующий от-

вет: *городки – это перебежка из одного города в другой.* Можно предположить, что большая часть детей обеих групп не имеют представления об этой игре. Дети, имеющие о ней представление, выделяют те же семантические компоненты, что и в словарной дефиниции. У участников обеих групп преобладают фонетические ассоциации. Отметим, что ни один из опрошенных не назвал правильно главный инструмент игры – *биту*.

2. **ВОЛЕЙБОЛ**: «Командная спортивная игра с мячом на площадке 9x18 м, разделённой пополам сеткой на высоте 2,43 м для мужских и 2,24 м для женских команд. Цель игры – ударами руками по мячу направить его на сторону соперника и приземлить там. Выигрывает команда, победившая в трёх партиях, каждая из которых играется до 25 очков при двух очках преимущества одной из команд. В случае равенства очков или преимущества в одно очко игра продолжается. Возможное максимальное число очков – 42». Выделяются семы: 'игра', 'команда', 'игра с мячом', 'сетка'.

Абсолютное большинство (82 %) опрошенных школьников 1-ой группы знакомы с этой игрой. Ими предложены следующие ответы: *волейбол – это игра, где надо перебрасывать мяч через сетку, где несколько человек разбиваются на команды; они должны, перекидывая мяч через сетку, забить сопернику гол; это игра, где натянута сетка, через неё перекидывают мяч, его нужно отбивать, а упавший мяч – знак гола.* 15 % испытуемых дали неоднозначные (амбивалентные) ответы, которые можно расценивать одновременно как верные и как неверные, поэтому мы их отнесли в отдельную груп-

пу. Например: *волейбол – это мяч, игра в мяч, игра с мячом, это вид спорта*. 3 % школьников не дали ответа.

Все опрошенные школьники 2-ой группы (100 %) знают, что такое *волейбол*, и дали точные ответы; например: *волейбол – это игра с мячом, суть которой – перекинуть мяч через сетку так, чтобы противник его не поймал; перекидывать мяч через сетку особыми подачами; игра с мячом; отбивать его руками; игра в мяч через сетку с правом на одно касание*.

3. ДАРТС – «игровой вид спорта, смысл которого сводится к набору очков при попадании дротиков в специальную мишень». Выделяются семы: 'игра', 'дротик', 'мишень'.

Подавляющее большинство (94 %) испытуемых 1-ой группы хорошо знают этот вид спорта. Были даны следующие ответы: *дартс – это игра, где дротиками нужно попасть в цель; надо дротиками кидать в доску и набирать наибольшее количество очков*. Только 3 % опрошенных школьников дали собственные варианты ответа, основанные на фонетических ассоциациях. Например: *дартс – это дар*. 3 % опрошенных не дали ответа.

Абсолютное большинство школьников 2-ой группы (94 %) знакомы с этой игрой, поэтому дали исчерпывающие ответы. Например: *дартс – метание дротиков в цель, смысл игры – попасть дротиком в мишень, ближе к центру*. 6 % испытуемых не знали, что это за игра, поэтому дали свой (ошибочный) ответ. Например: *дартс – это игра в шашки, только с другими правилами*. Стоит обратить внимание, что в отличие от результатов ответов о *горюдах*, в большинстве ответов о *дартсе* испытуемые обеих групп назвали

правильное средство – *дротик* (а не просто *стрела* или *острая палочка*).

4. СТРИТРЕЙСИНГ – «гонки по улицам города или участкам дорожных магистралей». Выделяются семы: 'гонки', 'гонки по улицам'.

Абсолютное большинство школьников 1-ой группы (84 %) хорошо знает этот вид спорта, поэтому были даны соответствующие ответы. Например: *стритрейсинг – это гонки на машинах по улицам города; уличные гонки; люди прокачивают свои машины и гоняют по прямой*. Однако были испытуемые, которые не знают, что это за вид спорта (16 %), поэтому не дали ответа.

Абсолютное большинство опрошиваемых 2-ой группы (81 %) хорошо знают этот вид спорта, поэтому ответы были полные. Например: *стритрейсинг – уличные гонки; гонки на спортивных машинах по улицам города*. 13 % опрошенных не знали этот вид спорта, поэтому дали свои (ошибочные) ответы. Например: *стритрейсинг – прыжки с высоких или невысоких препятствий, танцы на улице*. 6 % испытуемых не дали определения.

5. БЕЙСДЖАМПИНГ – «экстремальный вид спорта, в котором используется специальный парашют для прыжков со зданий и других стационарных объектов», «прыжки с парашютом со скал как вид спорта». Выделяются семы: 'спорт', 'прыжки', 'прыжки со зданий'.

Как показали результаты, большинство испытуемых 1-ой группы не знают точно, в чём заключаются соревнования этого вида спорта, но большинство из них догадались, что они связаны с прыжками (от англ. *Jump – прыгать*). Только 5 % опрошенных дали верные ответы; например: *бейсджампинг – это*

прыганье с парашютом, прыганье со скал. Чуть более четвёртой части испытуемых (26 %) – не дали ответа. Более половины школьников (61 %) предложили собственный вариант ответа. Например: бейсджампинг – это вид спорта, где выполняют трюки с прыжками; люди надевают специальную обувь и прыгают высоко; это спорт, где надо цепляться за верёвку и плыть как можно дальше на специальном коврике.

Половина испытуемых 2-ой группы (50 %) знают этот вид спорта, поэтому дали соответствующие ответы. Например: бейсджампинг – это прыжки с высоты с парашютом; прыжки с высоких зданий в специальном костюме «крыло». 37 % школьников в возрасте 14–15 лет не знали, что конкретно представляет собой данный вид спорта, поэтому дали свои (ошибочные) варианты. Большинство ответов участников 2-ой группы предлагали ответы-переводы с английского слова *jump* – прыгать; так, один из вариантов ответа: бейсджампинг – это прыгать, это прыжки с мячом, прыжки на специальных ботинках, подпрыгивать на больших ходулях. Но из этих 37 % встречались и варианты, которые не являлись переводом части слова; например, был вариант, что бесджампинг – это гонки. 13 % испытуемых не дали ответа.

6. ЛАПТА: «Русская народная игра с мячом и битой на площадке 35x60 м командами по 8 чел. Одна команда считается бьющей, другая – водящей. После удачного удара битой по мячу игрок бьющей команды старается добежать до конца поля и вернуться обратно, за что получает очки. Водящая команда стремится его осалить и вывести из игры». Выделяются семы: 'игра', 'команда', 'игра с мячом', 'игра с битой'.

Оказалось, что абсолютное большинство участников 1-ой группы не знают, что это за игра. А большинство их ответов основывалось на фонетических ассоциациях; например: *лапта – это игра, где надо как можно скорее сплести лапти; это игра, где одевают лапти и при беге должны их не потерять; это, кто больше вскопает; это вещь, которая встречается в труде; это теннис; это то, чем можно копать; это игра, играют на руках или ногах. Около четверти (24 %) опрошенных школьников в возрасте 12–13 лет знают эту игру, поэтому дали верные ответы; например: лапта – это игра с битой и маленьким мячиком, задача которой – набрать как можно больше очков; это русский бейсбол с несколько изменёнными правилами расстановки по площадке; это русская народная игра мячом и битой, похожа на бейсбол. Оставшиеся 24 % испытуемых не дали ответа.*

Большинство опрашиваемых 2-ой группы (69% от количества детей в этой группе) хорошо знают, что такое лапта, как в неё играть, и поэтому дают чёткие определения. Например: *лапта – это древнерусская игра с мячом и битой, похожая на бейсбол, но с упрощёнными правилами. Некоторые испытуемые ограничивались только набором слов, по которым можно сделать вывод о том, что они знают, что это за игра; например: игра с мячом и битой или игра, похожая на бейсбол, или бита, мяч, отбивать, не путать с бейсболом. В том случае, если испытуемые не знали этой игры, они, в соответствии с инструкцией, давали свои ответы – в данном случае превалировали фонетические ассоциации. Например: лапта – это обувь, игра с лаптями (25 %).*

6 % опрошенных не дали определения. Следует отметить, что большинство испытуемых 1-ой группы не знали эту игру, поэтому у них преобладали фонетические ассоциации. Те же, кто знают данную игру, абсолютно верно смогли назвать правильный инструмент – биты. Ответы 2-ой группы школьников показали, что опрашиваемые не только хорошо знают эту игру, но и выделяют те же компоненты значения, что и в словарной дефиниции.

Проведённый нами опрос школьников 12–15 лет позволяет установить, что большинство из 26 слов экспериментального списка, обозначающих виды спорта и игры, хорошо известно в обеих возрастных группах. Наибольший интерес для нас представляли новейшие виды, появившиеся в нашей стране недавно, например, *стритрейсинг*, *бейсджампинг*. Как свидетельствуют результаты опроса, в таких случаях школьники, прежде всего, опираются на знание английского. Соответственно, в группе 14–15-летних испытуемых процент правильных ответов выше. Большинство детей этого возраста выделяют основные компоненты значения, что показало проведённое сопоставление ответов опрошенных с анализом словарных дефиниций. Мы считаем, что характерной особенностью данных возрастных групп является приведение фонетических ассоциаций в случае незнания правильного значения слова. Такая тенденция наиболее ярко проявилась в случае старинных видов спорта, таких как *лапта*, *городки*.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Андриевская В.В. Особенности словесных ассоциаций как фактор построения предложений // Исследования языка и речи: Учёные записки МГПИИЯ им. М. Тореца. Т. 60. 1971. С. 111–116.
2. Бородич А.М. Методика развития речи детей: уч. пос. М.: Просвещение, 1981. 288 с.
3. Васильев Л. М. Теория семантических полей // Вопросы языкознания. №3. 1971. С. 105–113.
4. Жигалёва К.Б. Методика формирования лингвистической компетенции дошкольников на основе системно-ориентированного моделирования процесса обучения иностранному языку: автореф. дис. ... канд. пед. наук. Нижний Новгород, 2008. 24 с.
5. Кобозева И.М. Лингвистическая семантика. М.: УРСС, 2000. 350 с.
6. Леонтьев А.А. Основы психолингвистики: Уч. для студ. высш. учеб. заведений. Изд. 4-е, испр. М.: Смысл; Издательский центр «Академия», 2005. 287 с.
7. Покровский М.М. Избранные работы по языкознанию. М.: Изд-во АН СССР, 1959. 382 с.
8. Словари и энциклопедии [Электронный ресурс] // Академик. URL: <http://dic.academic.ru/dic.nsf/ushakov/1039214> (дата обращения: 25.08.2014).
9. Спортивный словарь [Электронный ресурс] // Спортивный словарь. URL: <http://www.sport-dic.ru/> (дата обращения: 25.08.2014).
10. Фрумкина Р.М. Психолингвистика: Учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. М.: Издательский центр «Академия», 2006. 320 с.
11. Trier J. Der deutsche Wortschatz im Sinnbezirk des Verstandes. Von den Anfängen bis zum Beginn des 13. Jahrhunderts. Heidelberg: Carl Winter Universitätsverlag, 1974. 347 p.

УДК 81(07)

Яковлева А.М.*Московский государственный областной гуманитарный институт***КОНЦЕПТОСФЕРА «КОНДИТЕРСКИЕ ИЗДЕЛИЯ»
В ОЦЕНОЧНОЙ СЕМАНТИКЕ АНГЛИЙСКИХ
ПОСЛОВИЦ И ПОГОВОРОК**

Аннотация. В статье рассматриваются базовые понятия лингвокультурологии и философии языка: *картина мира, концептосфера, концепт*. В исследовании представлена концептосфера «кондитерские изделия», которая входит в более широкую концептосферу – «еда». Приведены пословицы и поговорки, в которых употребляется лексика концептосферы «кондитерские изделия». Собранный языковой материал, анализируемый в статье, передаёт своеобразие английского менталитета, так как номинации концептосферы становятся источником метафористики и аллегорий.

Ключевые слова: картина мира, концептосфера, концепт, лексема, пословицы, поговорки, кондитерские изделия.

A. Iakovleva*Moscow State Regional Institute of Humanities***CONCEPT SPHERE “CONFECTIONARY AND PASTRY” IN APPRAISAL
SEMANTICS OF ENGLISH PROVERBS AND SAYINGS**

Abstract. Basic notions of linguo-culturology and language philosophy such as *picture of the world, concept sphere and concept* are discussed in the article. The research presents the concept sphere “confectionary and pastry”, which is a part of a wider concept sphere “food”. Proverbs and sayings which include the vocabulary of this concept sphere are analysed. The presented material shows the characteristic features of English mentality because the nominations of the concept sphere are the source of metaphoric images and allegories.

Key words: picture of the world, concept sphere, concept, lexeme, proverbs, sayings, confectionary and pastry.

В данной статье мы рассматриваем периферию лексики концептосферы «кондитерские изделия», которая раскрывает основные когнитивные особенности исследуемой области языка. Наша задача состоит в анализе семантики и систематизации лексических единиц, входящих в состав пословиц и поговорок изучаемой концептосферы.

Понятия *концептосферы* и *концепта* являются ключевыми для когнитивной лингвистики. Концепт как ментальное образование в сознании индивида есть выход на концептосферу социума, т. е., в конечном счёте, и на культуру, а концепт как единица культуры есть фиксация коллективного опыта, который становится достоянием индивида [6, с. 117].

В данном исследовании мы опираемся на теорию М.Я. Блоха, который определил *концепт* как выделенное сознанием знание о некотором предмете (то есть предмете мысли, составляющем элемент бытия – действительного или воображаемого). Термин «картина мира» М.Я. Блох рассматривает как метафорическое обозначение отражения сознанием действительности. И поскольку каждый элемент может стать предметом концепта, постольку картину мира можно определить как совокупность концептов [4, с. 101].

Пословица – краткое, устойчивое в речевом обиходе, как правило, ритмически организованное изречение назидательного характера, в котором зафиксирован многовековой опыт народа; имеет форму законченного предложения [7].

Несмотря на афористическую краткость и оформленность в виде отдельного предложения, пословица является семантически многозначным высказыванием. В соответствии с теорией М.Я. Блоха пословица является диктемой, то есть она выражает существенные знаковые функции текста-дискурса: номинацию, предикацию, тематизацию и стилизацию [3, с. 32]. Пословица как диктема предполагает связь с определённой концептосферой. Для настоящего исследования такой концептосферой являются *кондитерские изделия*.

Обычно пословица не имеет определённого автора или литературного источника, являясь результатом народного творчества; это свойство отличает пословицу от книжного афоризма. Исходя из указанных признаков, пословицу можно осмыслить как народное оценочное высказывание-клише

нравоучительной семантики [11, с. 27]. Закономерно предположить, что такая оценочная семантика может выражаться и через лексику, связанную с *кондитерскими изделиями*, так как они обладают богатым комплексом ассоциативных значений.

С одной стороны, жанр пословицы глубоко национален, с другой – интернационален. Несмотря на ментальность и присущие определённому народу традиции и обычаи, общими для всех людей оказываются идеи добра и мира, уважение к хорошим человеческим качествам и порицание пороков. Пословицы как лексические единицы обладают и положительной, и отрицательной коннотацией [11, с. 34]. Образность и семантика, характерная для пословицы, распространяется также на поговорки и другие близкие им по типу метафорические выражения.

В отличие от пословицы, *поговорка* – краткое устойчивое, обычно образное выражение, метко определяющее какое-либо явление из жизни и не составляющее, в отличие от пословицы, законченного высказывания [7]. Поговорка всегда одночленна, представляет собой лишь часть суждения и обычно лишена обобщающего поучительного смысла.

Укоренённость пословиц и поговорок в национальной культуре приводит к специфике их перевода. Устойчивое выражение определённого языка не переводится, а заменяется близким по смыслу эквивалентом. Однако сопоставление этих эквивалентов позволяет увидеть своеобразие языкового проявления национального языкового сознания. С другой стороны, в конкретной системе восприятия мира сохраняется универсальность самой

концептосферы, позволяющей находить эквиваленты выражений.

Кондитерские изделия – это специально изготовленная пища, которая употребляется в качестве дополнения к основной (жизненно необходимой) пище, доставляющая приятные вкусовые ощущения. Лексика, связанная с концептосферой «кондитерские изделия», формирует в языке богатейшую область переносных значений. Они выражают семантику фундаментальных понятий человеческого бытия: *жизнь, труд, деньги, отношения между людьми*, описание *личностных качеств человека*.

Вкусовой эпитет «сладкий» для анализируемой концептосферы является репрезентативным. Одним из ярких примеров пословиц с лексемой *sweet – сладкий* является восходящее к Библии выражение *forbidden fruit is sweetest* – «запретный плод сладок» (Быт. 3: 1–12) [2], то есть привлекательно всегда то, что недоступно, не дозволено и запрещено.

В английском языке существуют несколько пословиц, которые мы можем интерпретировать как «запретный плод сладок»; ср.: *Forbidden fruit is sweet* – «запретный плод сладок» [10]; *Stolen apples are sweetest* – «украденные яблоки самые сладкие» [1]; *Stolen cherries are the sweeter* – «украденные вишни слаще» [1]; *Stolen fruit is always sweeter* – «украденный фрукт всегда слаще» [1]; *Stolen kisses are sweet* – «украденный поцелуй – сладок» [1]; *Stolen pleasures are sweetest* – «украденные удовольствия самые сладкие» [1]; тавтологически усиленное выражение *Stolen sweets are sweeter* – «украденные сладости слаще» [1]; *Stolen waters are sweet* – «украденная вода сладка» [13]. Близкой к ним

по смыслу является и поговорка *The apples on the other side of the wall are the sweetest* – «яблоки по ту сторону забора всегда слаще» [10]. Образ яблока, сладкого вкуса, нарушение запретов и предупреждения о последствиях этого нарушения связаны с библейским преданием о сладком запретном плоде, который имеет репрезентативное значение для анализируемой концептосферы.

Итак, ключевым репрезентативным фактором кондитерских изделий является сладость, что выражается соответствующей лексемой *sweet – сладкий*. В диктеме *the nearer the bone, the sweeter the flesh* [1]; *the nearer the bone, the sweeter the meat* [13] – «ближе к кости – слаще мясо» мы находим пример вариативности. В английском варианте различными являются подлежащие: *flesh – meat*. Первая лексема, в частности, предполагает отношение к человеческому телу. Поэтому выражение *the nearer the bone, the sweeter the flesh* [1] приобретает эротический подтекст, обычно относится к женскому телу. Прилагательное *sweet* ассоциируется с выражением «сладкая женщина», «пышка», и «близость к кости» предполагает объятия. А во втором варианте слово *meat* имеет отношение к еде, к мясу животного и вызывает ассоциацию с гастрономическим термином «сахарная кость».

Разновидностью вариативности являются синонимичные поговорки, которые можно выделить в особую группу. К ним относятся: *Your neighbor's apples are the sweetest* [1]; *Apples on the other side of wall are sweetest* [10] – «хороша рыба на чужом блюде»; *honey is sweet but the bee stings; no sweet without some bitter* [9] – «нет розы без шипов».

Синонимичность в приведённых диктемах раскрывает семантическую и разную широту концептосферы.

Следует отметить, что лексема «сладкий» устойчиво связана с антонимом «горький». *Sweet* – *сладкий* противопоставляется *bitter* – *горькому*. *Bitter must come before the sweet* – «без горести нет радости» [1]; *every sweet has its bitter* – «нет сладкого без горького» [1]; *no sweet without some bitter* – «не вкусив горького, не видать и сладкого» [1]; *who has never tasted bitter, knows not what is sweet* – «не вкусив горького, не узнаешь и сладкого» [9]; *what is in the mouth is bitter in the stomach* – «сладко в рот, да горько в глот» [1]. В паре «сладкий – горький» мы видим диаметрально противоположный взгляд на жизнь.

Антонимичные пословицы *bitter must come before the sweet* – «без горести нет радости» [1]; *every sweet has its bitter* – «нет сладкого без горького» [1] показывают нам отношение к жизни: так, на жизнь можно смотреть позитивно – *без горести нет сладости* — и негативно: *нет сладкого без горького*. Как видим, этимология слова «горесть» восходит к вкусовому ощущению и таким образом тоже попадает в концептосферу «кондитерские изделия». Вкусовой атрибут приобретает метафорическое значение. В русском языке существует выражение «горький пьяница», обозначающее человека, который пьёт с горя, то есть сложное нравственно-психологическое и социальное понятие «горя» получает «вкусовую» коннотацию.

То же самое касается и эпитета «кислый»: *sweet* (*сладкий*) – *sour* (*кислый*). Он получает антонимическое значение к прилагательному «сладкий»: *one man's sweet is another man's sour* – «что

одному человеку сладко, то другому кисло» [1]. В русской культуре это выражение приобретает социокультурный аспект и радикальную форму: *что русскому хорошо, то немцу смерть*. Пословица *sweet to the sweet and sour to the sour* – «сладкое к сладкому, кислое к кислому» [1] – передаёт идею соответствия. В русском варианте эта идея приобретает социальную окрашенность. Этому соответствуют русские выражения «по Сеньке и шапка», «не в свои сани не садись», «со свиным рылом в калашный ряд», «каков есть, такова и честь».

Противопоставление вкусов передаёт идею относительности, изменчивости судьбы: *sweet meat will have sour sauce* – «за хорошим всегда следует дурное» [1]; *sweet's the wine but sour's the payment* – «пьяный скачет, а проспался – плачет» [1].

Разнообразные контекстные значения приобретает слово «сахар». Той же репрезентативной функцией обладает и лексема «мёд». Мёд – сладкое вещество, вырабатываемое пчёлами, и, конечно, в данной трактовке оно не относится к концептосфере «кондитерские изделия». Однако мёд входит в состав многих кондитерских изделий и наряду с вареньем, джемом, конфитюром и повидлом воспринимается как лакомство, что позволяет нам включить его в анализируемую область языка. Лексемы «мёд» и «сахар» формируют богатейшую область семантики.

Рассмотрим ряд выражений: *Teaspoon of sugar will catch more flies than a gallon of vinegar* [13]; *Honey catches more flies than vinegar* [13] – «Мёдом больше мух наловишь, чем уксусом». В первом случае подлежащее «чайная ложка сахара» эквивалентна подлежащему

«мёд». При общем значении *сладкого*, очевидно, что мёд обладает большей ароматической привлекательностью, чем нейтральный сахар. В первой пословице акцент ставится на объёме продукта, а во втором случае – на контрасте между сладким и кислым, между разными продуктами – кондитерским и гастрономическим.

Данные «аппетитные» лексемы входят и в состав пословиц с отрицательной коннотацией. Подобная отрицательная оценка по преимуществу ориентирована своим содержанием на нравственные качества и характер человека. Ощущение сладкого становится средством усиления отрицательных характеристик, определяет контекстуальную антонимию: *A honey tongue, a heart of gall* – «медовый язык, а сердце из желчи» [9] (в данном случае возникает оппозиция «сладкое – горькое»); *He has honey in his mouth and razor at his girdle* – «на языке мёд, а за поясом бритва» [1] (любопытно, что лексема «бритва» вызывает вкусовую аллюзию в связи с метафорическим определением «острый»). Оппозицию «горький – сладкий» мы встречаем и в других фразеологизмах: *sweet as honey, bitter as gall* – «сладкий как мёд, горький как желчь» [1]. «Вкусовая» образность эпитетов «горький – сладкий» подчёркивается таким выразительным оксюмороном, как «горький мёд». Вспомним евангельское повествование о подвижничестве пророка Иоанна Крестителя, пищей которого были акриды и дикий мёд (Мф 3: 4) [2]. Очевидно, что аскет не наслаждается мёдом, а просто ест. Эпитет «дикий» подчёркивает «грубость», «горьковатость» этой пищи.

Обратим внимание на выражение, в котором присутствуют две анализи-

руемые лексемы — *honey* (мёд) и *sugar* (сахар). В этих словах контекстуально присутствует понятие меры. Являясь словами с положительным значением, *мёд* и *сахар* в переизбытке могут вызывать отрицательные эмоции. Чрезмерное употребление сладкого воспринимается как нарушение пропорций, что формирует иронический подтекст. Выражение *all sugar and honey* – «весь из сахара и мёда» [12] употребляется, когда речь идёт о слащавом, неискреннем человеке. Вспомним известную характеристику помещика Манилова в поэме Н.В. Гоголя «Мёртвые души». О герое говорится: «Выражение не только сладкое, но даже приторное, подобное той микстуре, которую ловкий светский доктор засластил немилосердно» [5]. В данном предложении употребляется слово «приторный», что также характеризует чрезмерно *слащавого*, демонстративно любезного человека. В отличие от «сладкого», «приторность» вызывает неприятные вкусовые ощущения, тем самым удовольствие от употребления кондитерских изделий портится. Ряд пословиц с лексемами «сахар» и «мёд» подчёркивает важность соблюдения чувства меры. Показательно, что искусствоведческое понятие художественного «вкуса» приобретает гастрономический, кондитерский смысл. Вспомним известное определение литературного «вкуса» знатоком французской кухни Пушкиным как «чувства соразмерности и сообразности». Поэтому логичными представляются следующие многозначные образные выражения: *Even sugar itself may spoil a good dish* – «даже сахар может испортить хорошее блюдо» [12]; *Lick honey with your little finger*, что буквально переводится как

«надо пробовать мёд мизинцем» [1]. В русском эквиваленте последняя поговорка переводится более широко – «хорошего понемножку». *Eat your honey but stop when you are full* [1] – буквально данное выражение звучит так: «ешь свой мёд, но остановись, когда наелся». Это призыв соблюдать меру. В русском языке эквивалентное выражение содержит колоритную рифму «мёд – рот»: «сладок мёд, да не по пуду в рот». Неумеренность русского человека приобретает форму гиперболы. Напомним, что *пуд* – это 16 килограмм. Стремление к удовольствиям предполагает преодоление препятствий, необходимость усилий. Эту мысль выражают нравоучительные диктемы: *Honey is sweet but the bee sting* – «сладок медок, да пчёлы жалят» [9]; *If you want to gather honey, you must bear the stings of bees* – «есть мёд – лезь в улей» [1].

Пирог или «праздничный хлеб» в силу рецептуры входит в концептосферу «кондитерские изделия». Лексема «хлеб» характеризуется положительной символикой и широким ассоциативным диапазоном. Это слово входит в состав большого числа пословиц, определяющих и конкретизирующих его социокультурное содержание. Пословицы, включающие в свой состав лексему «хлеб», передают своеобразие английского менталитета, историю формирования Британской цивилизации.

Одним из многочисленных парадоксов английской жизни является тот факт, что неприятие иностранного и чувство собственного превосходства в характере англичан сочетается с повышенным интересом к внешнему миру и любовью к путешествиям [8, с. 18]. Служба в далёких станах всегда была

почётной обязанностью англичанина. Это стало своеобразным испытанием на прочность, мужественность, на верность долгу. На человека, вернувшегося из колоний, смотрели с уважением, его заведомо считали человеком чести, храбрым и порядочным [8, с. 23]. Такое патриотическое мышление мы видим в пословице *better is a slice of bread and garlic at one's own table than a thousand dishes eaten under another roof* [1]. В русском варианте образ хлеба усиливается. В пословице речь идёт не просто о «хлебе с чесноком», а о чёрством хлебе, сухарях: «свои сухари лучше чужих пирогов».

Слово «хлеб» как контекстуальный репрезентант концептосферы становится источником метафористики и аллегорий. Важную роль играет противопоставление своего и чужого, дома и чужих стран: *I had rather ask of my fire brown bread than borrow of my neighbor white* – «Свои сухари лучше чужих пирогов» [1]; *Another's bread costs dear* – «Чужой хлеб рот дерёт» [1].

Лексема «хлеб» ассоциируется с удачей и с финансовым положением, а также с деньгами. Для символики богатства используются другие ингредиенты, например, сыр: *cheese and bread make the cheeks red* – «сыр да хлеб румянят щёки» [9]. Яркий образ удачи раскрывается через выражение *his bread is buttered on both sides* – «у него хлеб с двух сторон намазан» [12]. Тот же образ хлеба и масла используется для обозначения неудачи: *bread always falls on the buttered side* – «бутерброд всегда падает маслом вниз» [1]. Данная пословица придаёт отрицательную коннотацию образу хлеба. Согласно этому дидактическому выражению, всё, что происходит, случается не в нужный

момент, не так, как задумывалось, а значительно хуже. В русском языке закрепилось выражение, связанное с образом хлеба, намазанного маслом. Однако в английском варианте существует эквивалент, в котором образ хлеба заменяется на образ кекса: *Cake never falls but on its buttered side* – «кекс всегда падает на намазанную маслом сторону» [12]. Возможно, это связано с тем, что в Англии во время традиционного чаепития подаётся кекс, который обычно намазывается маслом или вареньем. Можно отметить, что в английской концептосфере закрепляется лексика, связанная с получением кондитерского удовольствия, в то время как в русской – речь чаще идёт о простом насыщении, об утолении голода.

Пословицы затрагивают все сферы жизни, и праздники – не исключение. Англичане не представляют себе празднование Рождества без традиционного рождественского пудинга. В Англии рождественский пудинг – *plum pudding* (сливовый пудинг) [12] – готовится в каждой семье с XV века. Но внесём рецептурные уточнения. В данном контексте речь идёт не о традиционном пудинге, представляющем из себя желе, а о пироге. В любой семье, независимо от достатка и происхождения, это блюдо готовила хозяйка дома. Однако мы можем предположить, что рецептура и составляющие данного десерта были отличными в домах разного достатка. Отсюда возникла поговорка *make your pudding according to your plum* [1] – «делай свой пудинг в соответствии со своими сливами», или, в русском эквиваленте, «по одежке протягивай ножки». Заметим, что в холодном климате России социальные различия особенно остро ощущались в

концептосфере «одежда». Для страны с умеренным климатом и относительно благополучным социальным положением на первый план выдвинулась кондитерская деталь. Данная поговорка учит тому, что человек должен расходовать столько ресурсов, сколькими он обладает. Ещё одна рождественская поговорка – *The devil makes his Christmas pies of lawyers' tongues and clerks' fingers* – «дьявол делает рождественские пироги из языков адвокатов и пальцев чиновников» [13]. Пословица содержит явный иронический подтекст. Получается, что дьявол также празднует Рождество, но его праздничный пирог имеет «оригинальную рецептуру». Показательно, что важность символического кондитерского изделия признаёт даже дьявол.

Итак, мы проанализировали пословицы, в состав которых входит лексика, связанная с концептосферой «кондитерские изделия». Данные пословицы обладают и положительной, и отрицательной коннотацией. Устойчивые выражения английского и русского языков, включающие репрезентанты анализируемой концептосферы обладают большой полисемией, которая составляет её периферию. Семантическое богатство лексем определяет их аллегорическое употребление, становится источником выразительной метафористики. Отметим, что в английской культуре большее внимание уделяется именно кондитерским изделиям, в то время как русские эквиваленты сосредоточены на еде как таковой; в этом выражается влияние социокультурного фактора формирования и развития концепта, лексически фиксируемого в пословицах и поговорках.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Англо-русский словарь пословиц и поговорок [Электронный ресурс]. URL: http://proverbs_ru_en.academic.ru/ (дата обращения: 26.04.2014).
2. Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета. Канонические. С параллельными местами. Издание Московской Патриархии. М., 1990. 1372 с.
3. Блох М.Я. Диктема в уровневой структуре языка // Вопросы языкознания. 2000. №4. С. 27–45.
4. Блох М.Я. Проблема понятий концепта и картины мира в философии языка // Преподаватель XXI в. М.: Прометей; МПГУ, 2007. № 1. С. 101–105.
5. Гоголь Н.В. Мёртвые души [Электронный ресурс]. URL: <http://www.klassika.ru/read.html?proza/gogol/dushi.txt&page=4> (дата обращения: 27.04.2014).
6. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс / В.И. Карасик. М.: Гнозис, 2004. 390 с.
7. Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В.Н. Ярцева. М.: Сов. Энциклопедия, 1990. 685 с.
8. Павловская А.В. Англия и англичане. 2-е изд. М.: Изд-во Московского университета; Памятники исторической мысли, 2005. 270 с.
9. Русско-англо-немецкий словарь пословиц, поговорок, крылатых слов и Библейских изречений / Н.А. Адамия. 2-е изд., испр. М.: Наука; Флинта, 2006. 344 с.
10. Словарь употребительных английских пословиц: 326 статей / М.В. Буковская, С.И. Вяльцева, З.И. Дубянская и др. М.: Рус. яз., 1985. 232 с.
11. Юдина И.Ю. Метафора в английской пословице: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04. М., 2012. 148 с.
12. Abbyu Lingvo (Электронный словарь). ABBYY Lingvo 12 European (LHRP1200009024613205). Выпуск: 12.0.0.422. Артикул: 5124 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.lingvo.ru/> (дата обращения: 25.04.2014).
13. The Concise Oxford Dictionary of Proverbs / Edited by John Simpson and Jennifer Speake. – Over 1,000 entries. Third Edition. Oxford University Press, 1998. 364 p.

РАЗДЕЛ III. СРАВНИТЕЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКОЕ, ТИПОЛОГИЧЕСКОЕ И СОПОСТАВИТЕЛЬНОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ

УДК 81'362

Гнатюк О.А.

Московский государственный областной университет

ГЛАГОЛ–СВЯЗКА КАК ОДИН ИЗ АСПЕКТОВ ГРАММАТИЧЕСКОЙ ИНТЕРФЕРЕНЦИИ ПРИ РУССКО-ИСПАНСКОМ ДВУЯЗЫЧИИ

Аннотация. Интерференция является неременным атрибутом двуязычия. Особенно ярко интерференция проявляется в устной речи. В данной статье рассматриваются примеры грамматической интерференции в речи русскоязычных иммигрантов, проживающих в Испании. Проведённое исследование выявило случаи переноса некоторых особенностей русского языка в испанский язык. Особое внимание в статье уделяется анализу ошибок, связанных с использованием глагола-связки в настоящем времени изъявительного наклонения. Исследование показало, что в речи русскоязычных мигрантов наблюдается как опущение глагола-связки, так и употребление его в некорректной форме.

Ключевые слова: двуязычие, интерференция, грамматическая интерференция, русский язык, испанский язык, глагол-связка.

O. Gnatyuk

Moscow State Regional University

LINK-VERB AS AN ASPECT OF GRAMMATICAL INTERFERENCE IN RUSSIAN-SPANISH BILINGUALISM

Abstract. Interference is known to be an essential part of bilingualism. Interference may become especially apparent in oral speech. This article reviews some examples of grammatical interference in the speech of Russian immigrants living in Spain. According to the results of the research some cases of mother-tongue interference in Russian-speaking Spanish language learners' speech were revealed. Special attention is paid to the analysis of the link-verb use in the Present of the Indicative Mood. According to the research the omission as well as incorrect usage of a link-verb are observed in Russian immigrants' speech.

Key words: bilingualism, interference, grammatical interference, Russian language, Spanish language, link-verb.

© Гнатюк О.А., 2014.

В результате контакта двух языковых систем в речи билингвального носителя неизменно встает вопрос о взаимовлиянии данных языков, их интерференции. Понятие языковой интерференции трактуется как «перенесение особенностей родного языка на изучаемый иностранный язык» [5, с. 66]. Интерференция, в отличие от заимствования, носит именно негативный характер, так как проявляется в «отклонениях от нормы и системы второго языка под влиянием родного» [2, с. 197]. Особенно ярко интерференция может проявляться при естественном двуязычии, когда второй язык усваивается на фоне полностью сформированной языковой системы первого языка в условиях иноязычного окружения. Характерным примером тому является речь иммигрантов.

Следует отметить, что усвоение иностранного языка в иммиграции у взрослого человека происходит на фоне закреплённой языковой системы родного языка, которой человек уже пользуется в новой среде. В дальнейшем это может приводить к сознательному выбору и отдельному использованию каждого из языков в различных сферах (дом, работа), что соответствует понятию *диглоссии*. Однако, так как «чётко отличить диглоссию от билингвизма не представляется возможным» [9, с. 121], и такая задача не ставится в настоящей работе, условно обозначим владение двумя языками в условиях иммиграции *билингвизмом*.

Цель данной статьи – рассмотреть проявления интерференции в испанском языке под влиянием русского. Для выполнения поставленной цели было проведено исследование в виде бесед на испанском и русском языках

с русскими людьми, проживающими в Испании (в количестве 100 человек) на бытовые темы с записью диалогов на диктофон. При этом учитывались следующие критерии: место рождения – Россия, образование получено на территории РФ, длительность проживания на территории Испании в качестве резидента страны – от двух лет, родной язык – русский, уровень владения испанским – B2 и выше. Следует отметить, что анализировалась именно устная речь, так как на письме человек в большей степени осознанно контролирует свои высказывания.

Род Эллис в книге «Овладение вторым языком» («*Second Language Acquisition*») выделяет два типа ошибок на иностранном языке: ошибки непосредственные (*errors*), возникающие в результате незнания правил иностранного языка; и ошибки случайные (*mistakes*), возникающие машинально, как оговорки [10, p. 17]. В данном исследовании учитывались именно неосознанные ошибки, о чём свидетельствует языковой уровень опрошенных (B2-C2), подтверждённый сертификатами. Допущение в речи билингва именно случайных ошибок на фоне высокого уровня владения языком может свидетельствовать о действии психолингвистических факторов, обуславливающих появление интерференции на иностранном языке под влиянием родного. В результате анализа полученного материала были выявлены многочисленные ошибки в речи русскоязычных мигрантов на различных языковых уровнях.

Интерференция может охватывать фонетический, грамматический, синтаксический, лексико-семантический уровни. В данной статье мы остано-

вима на анализе примеров интерференции русского и испанского языков на грамматическом уровне. Грамматическая интерференция – «воздействие грамматической структуры родного языка в речи билингва» [8, с. 83], может проявляться как во влиянии на второй язык в связи с отсутствием тех или иных грамматических категорий в первом, так и в непосредственном переносе определённых правил и свойств родного языка в изучаемый [8, с. 83].

Одной из ключевых областей возникновения интерференции на грамматическом уровне в испанском языке под влиянием русского является употребление глагола-связки. Глагол-связка (глагольная связка, копула) – это глагол, являющийся частью составного сказуемого. Глагол-связка «выражает грамматическое значение сказуемого (наклонение, время, лицо, число) и согласуется с подлежащим, тогда как вторая часть сказуемого, выраженная именем или глагольным инфинитивом, передаёт его лексическое значение» [4, с. 406]. В роли связки может выступать глагол *быть*, некоторые глаголы с ослабленным лексическим значением, а также различные знаменательные глаголы. В тех случаях, когда глаголом-связкой является глагол *быть*, говорят об отвлечённой (чистой) связке [4, с. 404; 7, с. 244] или безличной связке [1, с. 396].

Наличие связки как компонента составного сказуемого характерно для многих языков: *to be* – в английском, *sein* – в немецком, *ser / estar* – в испанском, *быть* – в русском. Однако включение связки в состав предложения может носить или не носить нормативный характер. Так, в индоевропей-

ских языках, в том числе в испанском, глагол-связка требуется почти всегда, кроме случаев, когда в «тексте употреблено подряд несколько предложений, в состав которых входит именное составное сказуемое» [6, с. 102]. В русском языке глагол-связка *быть* в форме *есть* опускается в настоящем времени изъявительного наклонения. В таких случаях говорят о нулевой связке [7, с. 139, 1, с. 396].

В испанском языке роль глагола-связки *быть* могут выполнять два глагола: *ser* – ‘быть, являться кем-то’; *estar* – ‘быть, находиться где-то’. «Основные отличия двух испанских глаголов *ser* и *estar*, которые переводятся на русский язык глаголом *быть*, проявляются в употреблении с прилагательными» [3, с. 137–138]. Глагол *ser* передаёт постоянное состояние, в то время как глагол *estar* показывает переходящее качество. Сравним: *Julio es gordo* (Хулио толстый) / *Julio está gordo* (Хулио потолстел) [3, с. 137–138].

Кроме того, на русский язык глаголом *быть* может переводиться безличная форма *hay*, образованная от глагола *haber* (3 лицо ед. числа Presente de Indicativo) и старинного наречия места “у” [6, с. 103]. «Эта форма выражает наличие чего-либо безотносительно к тому или иному лицу: не я имею, ты имеешь и т. д., а есть, имеется» [6, с. 103]. Форма *hay* глагола *haber* используется для ввода нового объекта в высказывание. Например: *En mi mochila hay muchas pinturas* (В рюкзаке много красок) [3, с. 134].

Глаголы *ser* и *estar* имеют формы единственного и множественного числа 1, 2, 3 лица в каждом времени испанской системы времён. Безличная форма *hay* глагола *haber* (настоящего

времени) имеет различные варианты в других временах. Огромное количество словоформ указанных глаголов в испанском языке создаёт определённые трудности для русскоязычных носителей. А учитывая тот факт, что в русском языке глагол-связка *быть*, как правило, опускается в предложениях в настоящем времени изъявительного наклонения, можно говорить о возникновении явления интерференции в речи русскоязычных мигрантов на испанском языке под влиянием родного языка.

Проведённое исследование выявило три типа интерферентных ошибок в области употребления глагола-связки: 1) опущение глагола-связки; 2) употребление глагола-связки в неправильной форме лица, числа; 3) неверный выбор глагола связки в рамках трёх вариантов – *ser / estar / haber*. Рассмотрим примеры из устных бесед.

1. Самая распространённая ошибка – это опущение глагола-связки в настоящем времени в предложениях изъявительного наклонения.

– “La gente (es) distinta” / *Люди другие* (Мария, 35 лет, гид, в Испании 12 лет). В данном примере пропущена связка, выраженная глаголом *ser* в форме *es* (3-е лицо ед. ч.), так как слово *la gente* (*люди*) в испанском языке ед. ч.

– “Pues pienso que mejor (es) estar ahí” / *Думаю, что лучше остаться там* (Александра, 30 лет, репетитор, в Испании 10 лет). В данном предложении необходим связующий компонент как часть составного сказуемого. В русском языке уместны два варианта: *лучше – это остаться там, лучше_остаться там*. В испанском языке связка *es* (ед. ч. 3-го лица глагола *ser*) необходима.

– “Todo (es / está) mucho más relajado” / *Всё более спокойно* (Татьяна, 24 года, преподаватель, в Испании 2 года). В данной реплике могут быть уместны два варианта: *todo es mucho más relajado* (*всё более спокойно вообще*), *todo está mucho más relajado* (*всё стало намного спокойнее*). Однако отсутствие какой-либо связки вообще, хоть и соответствует особенностям русского языка, не свойственно испанскому.

2. В спонтанной речи мигрантов очень распространены случаи употребления глагола-связки в некорректной форме.

– “A veces son una pregunta muy difícil” / *Иногда это сложный вопрос* (Александра, 30 лет, репетитор, в Испании 10 лет). Связку *son* (мн. ч.) необходимо заменить на вариант *es* (ед. ч.), так как имя существительное *pregunta* стоит в ед. ч.

– “La familia de marido de mi madre que son una familia catalán” / *Семья мужа моей матери – каталонская семья* (Александра, 30 лет, репетитор, в Испании 10 лет). В данном примере налицо неправильное употребление глагола-связки *ser* в форме *son* (мн. ч., 3 лицо). В данном примере необходим вариант *es* (ед. ч., 3 лицо), так как имя существительное *la familia* (*семья*) ед. ч.

Кроме того, необходимо отметить случаи некорректного употребления глагола-связки, связанные с различием категорий числа некоторых существительных испанского и русского языков. Согласно проведённому исследованию, одно из самых распространённых слов (встречается у 60 % опрошенных), вызывающих явление интерференции, – это имя существительное *la gente* (*люди*). В испанском

языке данное существительное ед. ч., в русском – мн. ч. Очевидно, данное несоответствие вызывает грамматическую интерференцию в испанском языке под воздействием русского, что, кроме всего прочего, выражается в неправильном употреблении глагола-связки.

– “*Y hay gente que son muy buenas / И есть очень хорошие люди* (Мария, 35 лет, гид, в Испании 12 лет). В данном примере можно проследить постановку глагола-связки *ser* в форму *son* (мн.ч., 3-го лица), что соответствует по смыслу русскому языку, однако является неприемлемым в испанском, учитывая ед. ч. слова *la gente*, требующее связку в ед. ч. (*es*). Кроме того, в данном примере налицо ошибка в имени прилагательном *buenas* (м.р.) В испанском языке, как и в русском, прилагательное согласуется с существительным. Однако смысловое несоответствие рода и числа определённых испанских существительных с русскими существительными проявляется в некорректном использовании прилагательных. Как было сказано выше, существительное *la gente* ед. ч. Соответственно, и прилагательное, согласующееся с ним, должно быть в такой же форме. Итак, вышеуказанный пример согласно правилам грамматики испанского языка должен выглядеть следующим образом: *hay gente que es muy buena*.

3. Путаница в использовании глаголов *ser / estar / haber*, выполняющих роль связки в испанском языке, также является отличительной особенностью устной речи русскоязычных мигрантов.

– “*Me gusta mucho el trato que está en Espaca*” / *Мне очень нравится от-*

ношение в Испании (Лариса, 34 года, гид, в Испании 10 лет). В данном случае употреблена связка в виде глагола *estar* в форме *está* (3-е лицо, ед. ч.). Однако, учитывая, что в этом предложении имеется в виду понятие «отношение», которое существует само по себе, «имеется», правильным будет в качестве связки выбрать глагол *haber* в форме *hay*. Корректный вариант указанного предложения – *Me gusta mucho el trato que hay en Espaca*.

– “*Y estas cosas estan muy claras, transparentes...*” / *Это очевидные, понятные вещи...* (Динара, психолог, 36 лет, в Испании 2 года). В указанном примере связкой является глагол *estar* в форме *estan* (3-е лицо, мн. ч.), что является логичным с точки зрения грамматики, но неверным семантически. Глагол *estar* устанавливает пространственные отношения (что где находится), а также показывает временный признак предмета в сочетании с прилагательными. В данном случае речь идёт о вещах абстрактных, и присущие им качества «прозрачность» и «понятность» априори являются не сиюминутными, а постоянными. Следовательно, правильный вариант указанного предложения должен включать связку *ser* в форме *son*: “*Y estas cosas son muy claras, transparentes...*”

Подводя итог, отметим, что при русско-испанском двуязычии действительно наблюдается интерференция, особенно проявляющаяся в устной речи. Одной из ключевых областей возникновения именно грамматической интерференции является использование глагола-связки. Особенно характерно для русскоязычных носителей спонтанное опущение глагола-связки в настоящем времени в изъяви-

тельном наклонении, что свойственно русскому языку. Также выделяются такие интерферентные ошибки, связанные с данной частью речи, как употребление связки в некорректной форме и неправильный выбор одного из трёх глаголов, выполняющих роль связки в испанском языке. Согласно проведённому исследованию, из всего количества ошибок, связанных с использованием глагола-связки, 45 % составляют случаи опущения, 35 % – некорректное использование, и 30 % – неверный выбор в рамках трёх вариантов (*estar / ser / haber*).

Принимая во внимание то, что опрошенные мигранты действительно владеют испанским языком на высоком уровне и допускают подобные ошибки именно в устной речи, можно допустить, что это происходит именно неосознанно, в результате влияния родного языка на язык изучаемый. Однако данная область требует дальнейшего изучения.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов М.: Сов. Энциклопедия, 1966. 608 с.
2. Большой энциклопедический словарь. Языкознание / Гл. ред. В.Н. Ярцева. Изд. 2-е. М.: Большая Российская энциклопедия, 1998. 685 с.
3. Испанский Язык. Большой справочник по грамматике / Х.Х. Мартинес Карраскоса, В. Момбиела Рапун, Н. Корсаков. М.: Живой язык, 2014. 512 с.
4. Матвеева Т.В. Полный словарь лингвистических терминов. Ростов н/Д.: Феникс, 2010. 562 [1] с.
5. Нелюбин Л.Л. Толковый переводческий словарь. М.: Флинта: Наука, 2011. 320 с.
6. Попов А.А. Учебник испанского языка. Интенсивный курс. Изд. 2-е. СПб.: ООО "Виктория плюс", 2013. 672 с.
7. Розенталь Д.Э., Теленкова М.А. Словарь-справочник лингвистических терминов: Пособие для учителя. 3-е изд., испр. и доп. М.: Просвещение, 1985. 399 с.
8. Словарь социолингвистических терминов / Отв. ред. В.Ю. Михальченко. М.: Институт языкознания РАН, 2006. 312 с.
9. Лингвистика и лингвисты: прошлое и настоящее / Г.Т. Хухуни, И.Ф. Беляева, И.И. Валуйцева и др. М.: МГОУ, 2013. 168 с.
10. Ellis, R. Second Language Acquisition / R. Ellis. – Oxford; New York; Honk Kong: Oxford University Press, 2008. 147 p.

УДК 81`23

Евтухова Е.В.*Московский государственный областной университет***ТРУДНОСТИ ПЕРЕВОДА НОМЕНКЛАТУРНЫХ НАЗВАНИЙ ПОРОД СОБАК И ГОЛУБЕЙ НА ПРИМЕРЕ РУССКОЯЗЫЧНЫХ ПЕРЕВОДОВ «ПРОИСХОЖДЕНИЯ ВИДОВ» Ч. ДАРВИНА**

Аннотация. Статья посвящена изучению особенностей номенклатурных названий пород собак и голубей и трудностей, связанных с их интерпретацией, на материале труда «Происхождение видов» Ч. Дарвина. В основе исследования лежит анализ существующих переводов XIX–XX веков и сравнение перевода номенклатуры естественнонаучного текста с его современным состоянием. Проведённый анализ показал, что при переводе научного текста внимание переводчика привлекает перевод новых для науки идей и терминов, при этом номенклатурные названия, на первый взгляд не принципиальные для данного произведения, страдают от некорректного, а иногда и ошибочного перевода.

Ключевые слова: естественнонаучный текст, «Происхождение видов» Ч. Дарвина, номен, породы собак, породы голубей.

E. Evtukhova*Moscow State Regional University***DIFFICULTIES OF INTERPRITING NOMENCLATIVE NAMES OF DOGS AND PIGEONS BREEDS IN RUSSIAN TRANSLATIONS OF CH. DARWIN'S "THE ORIGIN OF SPECIES"**

Abstract. The article presents results of the research of dogs and pigeons nomenclative names characteristics and problems connected with translating them into Russian. The XIX-XX centuries translations of "The Origin of Species" by Ch. Darwin were analysed and compared with modern state of the nomenclature in these areas. The analysis shows that while translating a scientific text, attention of the translator is mainly focused on the interpretation of the new scientific ideas and terms, while the nomen which seem unimportant suffer from inexact and often erroneous translation.

Key words: natural scientific text, "The Origin of Species" by Ch. Darwin, nomen, breeds of dogs, breeds of pigeons, erroneous translation.

Появившись в русском переводе, книга «Происхождение видов» стала не только основой развития теории эволюции, но и новым словом в современном животноводстве. На этот труд, как и на другие работы Ч. Дарвина, голубеводы и кинологи России ссылают-

© Евтухова Е.В., 2015.

ся в своих статьях до сих пор [4; 7; 18].

С 1837 г. Дарвин начал вести дневник, куда вносил данные о породах домашних животных и сортах растений, а также мысли о естественном отборе. В 1859 г. Дарвин опубликовал труд «Происхождение видов путём естественного отбора, или Сохранение благопри-

ятствуемых пород в борьбе за жизнь», где показал изменчивость видов растений и животных, их естественное происхождение от более ранних видов, и изложил свои мысли о происхождении пород голубей и собак.

Безусловно, рассуждая о терминах, употреблённых Ч. Дарвином в труде «Происхождение видов», нельзя забывать о номенах, перевод которых вызывает большие споры и расхождения, поскольку знание номенклатуры свойственно лишь специалистам в данной области. *Номенклатура* (см.: [25]) – категория значительно более новая, чем *терминология*. Как особый лексический класс она возникла лишь в XVIII в., первоначально только для естественных наук. При переводах работ Ч. Дарвина более всего пострадала именно она. Так, процент расхождения у авторов при переводе номенклатуры довольно высок (50 %).

Рассматривая номенклатурные названия пород собак, можно заметить, что и сегодня в онлайн-словарях [2; 3; 5; 26; 32] нет единодушия в переводе: названия некоторых пород отсутствуют (*Italian greyhound*, *Blenheim spaniel*), название *pug-dog* в настоящее время укорочено до *pug*. На многочисленных форумах кинологов и в журналах, посвящённых собаководству [21; 23], встречается много жалоб на неправильный перевод кинологических терминов, неточную трактовку названий пород и прочие ошибки перевода, встречающиеся даже в профессиональной литературе: «... К сожалению, идёт не замена русского названия на иностранное, а непростительная путаница. Причём ошибки, связанные с неправильным переводом или употреблением терминов, настолько прочно

вросли в печатные издания и сайты Интернета, что бывает очень сложно доказать, что так говорить нельзя...» [23]. Перевод номенклатурных названий, вызывающий затруднения у профессиональных переводчиков, вызывал значительно большие сомнения у непрофессионалов в собаководстве, участвовавших в создании русскоязычных версий «Происхождения видов». Так, многие авторы трактуют *pug-dog* как «моська» [30], название устаревшее и вышедшее из употребления. Перевод многих названий пород собак не соответствует их современной номенклатуре. Согласно *Атласу пород собак* [24], *Bloodhound*, трактуемый словарями как *ищейка* или *бладхаунд*, имеет номенклатурное название *Блюдгаунд*, а *легавые* и *гончие* – не названия пород, а названия групп, объединяющих породы по их характерным признакам. *Таксы* и *терьеры* – не просто разные породы, а разные группы пород, при этом таксы – более мелкая таксономическая единица, чем терьеры. Подчеркнём, что в большинстве книг и статей, посвящённых породам собак [22; 28], приводятся названия пород, зафиксированные в словарях, а не в *Атласе названий пород собак*. В частности, название породы *Italian greyhound* имеет несколько вариантов перевода: *Итальянский грейхаунд*, *Серая итальянская гончая*, *Малая итальянская борзая*, *Левретка*, тогда как в *Атласе пород собак* грейгаунды отнесены к гончим и никакого отношения к борзым не имеют. Отметим, что *Атлас* – издание переводное с чешского языка, при этом его авторы отмечают: «... Неодинаковый объём отдельных стандартов обусловлен различностью доступных источников, из которых

мы исходили, и хотя мы и стремились к максимальной унификации, тем не менее, остаются некоторые небольшие различия в номенклатуре...» [24].

В таблице ниже (табл. 1) приведены некоторые названия пород собак, использованные в оригинале «Происхождения видов» и в его русскоязыч-

ных версиях, даны версии современных онлайн-словарей [2; 3; 5; 26; 32] и соответствующее современное номенклатурное название. Данные из перевода А. Трачевской [15] отсутствуют, так как в её версии этот материал не использован.

Сравнивая варианты, предложен-

Таблица 1

Сравнительная таблица переводов названий пород собак, обнаруженных в русскоязычных переводах, и их современные версии

Spaniel (с. 17)	terrier (с. 17)	Bloodhound (с. 17)	grey-hound (с. 17)	Ч. Дарвин, 1, 6 издания [34; 35]
Легава (с. 14)	Такса (с. 14)	Гончая (с. 14)	Борзая собака (с. 14)	С.А. Рачинский [9]
	Такса (с. 25)	Ищейка (с. 25)	Борзая (с. 25)	М.М. Филиппов [14]
Кинг-чарлз (с. 18)	терьер, (с. 18)	ищейка, (с. 18)	борзая, (с. 18)	К.А. Тимирязев [11]
Спаньель (с. 127)	Терьер (с. 127)	Ищейка (с. 127)	Борзая (с. 127)	Н.И. Вавилов [12]
спаньель (с. 47)	Терьер (с. 47)	ищейка (с. 47)	Борзая (с. 47)	Б.Л. Комаров [16]
спаньель (с. 96)	Терьер (с. 96)	ищейка (с. 96)	Борзая (с. 96)	Ф.А. Дворянкин [10]
спаниель	терьер,	ищейка	борзая	А.Л. Тахтаджян [13]
Спанель	Терьер (hound некот. словари дают как синоним) [5]	Ищейка, бладхаунд, блудхаунд, английская кровяная гончая	Борзая, с итальянского <i>грейхаунд</i>	Версии онлайн-словарей [3; 5; 26; 32]
спаниель	терьер	Блудхаунд	Грейгаунд, английская борзая	Вариант Атласа пород собак [24]

the fox-hound (с. 35)	the spaniel (с. 35)	King Charles's spaniel (с. 35)	Blenheim spaniel (с. 19)	rug-dog (использован в 6 изданиях)	Italian greyhound (с. 19)
Лиска (с. 28)	Легава (с. 28)	Кинг-чарльз (с. 28)	Мальбрук (с. 16)		Итальянская борзая собака (с. 16)
Гончая (лисогон) (с. 41)	Малая охотничья порода (с. 41)	Кинг-чарльз (с. 41)	Бленгеймская порода (с. 29)	Моська (с. 29)	Левретка (с. 29)
Гончая (с. 27)	Кинг-чарльз (с. 27)	Кинг-чарльз (с. 27)	Блекгеймский Кинг-чарльз (с. 19)	Моськой (с. 19)	итальянской борзой (с. 19)
Гончая (с. 140)	спанель	Кинг-чарльз (с. 140)	бленгеймским спаньел (с. 129)	Моська (с. 129)	итальянской борзой (с. 129)
Гончая (с. 69)	Спанель (с. 69)	спанель кинг-чарльз (с. 68)	бленгеймским спаньелем (с. 51)	Моськой (с. 51)	итальянской борзой (с. 51)
Гончая (с. 107)	Спанель (с. 107)	спанель короля Чарльза (с. 107)			итальянской борзой (с. 98)
гончая	спанель	спанель кинг-чарльз	бленгеймским спаниелем	моськой,	итальянской борзой,
фоксхаунд, лисья гончая, Фокс хаунд, без дефиса – английская паратая гончая	спанель	Кинг Чарльз спанель, спанель короля Карла	Бленймский спанель той-спанель	мопс	Левретка
нет	спанель	Кавалер-кинг-Чарльз-спанель	нет	мопс	грейхаунд

ные авторами переводов, с версиями *Атласа пород собак*, мы выявили следующие отличия: *терьер* и *спаниель* согласно *Атласу* – не названия самостоятельных пород, а лишь часть названия породы (ср.: *коккер-спаниель*,

эрдель-терьер и т. д.). Согласно некоторым источникам [27] упоминаемый Ч. Дарвином *fox-hound* – один из родоначальников современного фокстерьера, возможно поэтому, и из-за незначительной популярности этой породы, в

Атлас вошёл именно *фокстерьер*. Название *Blenheim spaniel*, переводимое большинством авторов в качестве обозначения самостоятельной породы, отмечается собаководами как разновидность окраса: «... Допускаются четыре варианта окраса Кавалер Кинг Чарльз спаниелей: *бленхейм...*» [17; 19].

Как показывает анализ, разнообразие пород собак ставит в затруднительное положение не только переводчиков, столкнувшихся с такого рода номенклатурой, но и кинологов. В настоящее время в большинстве случаев собаководами используются латинский вариант написания названий пород или хорошо известные русскоязычные названия, нередко не совпадающие по звучанию с вариантами, предложенными *Атласом пород собак*. К сожалению, в вариантах перевода «Происхождения видов» латинские написания названий пород собак отсутствуют.

Необходимость точного перевода номенклатурных названий ощущается и при рассмотрении переводов названий пород голубей. Многие голубеводы отмечают, что из-за искажённых переводов страдает и номенклатура языка перевода; ср.: «... Перечень пород, созданный Евросоюзом, содержит по голубям этой группы разные названия в зависимости от языка. Например, на английском почти все породы составители перечня называют совами, на немецком – чайками, на французском – галстучными. И здесь нарушен приоритетный принцип названия породы страной выведения. В дальнейшем нужен был просто правильный перевод...» [4].

Популярное в XIX в. в Англии хобби – разведение голубей – не обошло

стороной и Ч. Дарвина. Уже в 1868 г. в труде «Изменение животных и растений в домашнем состоянии» (русское издание 1941 г.) он посвятил два раздела классификации домашних голубей. Учёный стал автором первой классификации домашних голубей. Он разделил все породы голубей на четыре группы по сходным морфологическим и физиологическим признакам. В своей статье в «Вестнике голубевода» [7] на эту классификацию ссылается А.М. Филичкин и указывает на некоторые ошибки в трактовке названий пород голубей при переводе спецлитературы с немецкого языка: «...Здесь бросается в глаза, что вся группа турманов получила произвольное название – «Гонные голуби». Такое название ни о чём не говорит, ничего не разъясняет. Поскольку книгу Юргенсона надо считать переводом разных авторов с немецкого, это ошибка перевода. В зарубежной голубеводной литературе встречается часто слово летун, летуны или турманы; отсюда лётные, гонные, но летун несколько не означает, что голубь гонный...» [7]. Кроме того, отмечен ряд неточностей, характерных ещё для советской номенклатуры названий пород: «... В нашем голубеводстве судьба классификаций пород голубей пока оставалась в руках отдельных авторов и зависела от их фантазии. Но главным образом она зависела и зависит, как ни странно, от нелитературной терминологии...» [7].

Становится очевидным, что состояние номенклатуры пород голубей в настоящее время несколько хаотично. Общепринятая классификация, взятая за основу при оценке голубей на международных выставках «Интерголубь», датирована 1978 г., при этом

существуют и иные классификации. В период существования Чехословакии голубеводы этой страны пользовались собственной классификацией, которая предусматривала разделение всех по-

род домашних голубей на 8 групп. В книге «Разведение голубей» профессор С. Петерфи предлагает более широкую классификацию и разделяет породы на 12 групп [6; 20].

Таблица 2

Сравнительная таблица переводов названий пород голубей, обнаруженных в русскоязычных переводах, и их современные версии

Runt (с. 21)	common tumbler (с. 21)	English carrier (с. 21)	Ч. Дарвин, 1, 6 издания [34; 35]
Гонный голубь (с. 17)		Английский чистый голубь (с. 17)	С.А. Рачинский [9]
Испанский голубь (с. 29)	Обыкновенный турман или вертун (с. 29)	Английский чистый голубь-говец (с. 29)	М.М. Филиппов [14]
		Голубь-говец (с. 10)	А. Трачевская [15]
Испанский, или римский, голубь (с. 20)		Английский гончий (с. 20)	К.А. Тимряев [11]
Испанский, или римский, голубь (с. 130)	обыкновенный турман (с. 130)	Английский гончий (с. 130)	Н.И. Вавилов [12]
Испанский, или римский, голубь (с. 53)	обыкновенный турман (с. 52)	английский карьер (с. 52)	Б.Л. Комаров [16]
Испанский, или римский, голубь (с. 99)	обыкновенный турман (с. 99)	английский гончий (с. 98)	Ф.А. Дворянкин [10]
Испанский, или римский, голубь (Runt)	обыкновенный турман (Tumbler)	английского почтового голубя	А.Л. Тахтаджян [13]
Рант (карлик)	турман	английский карьер	Современные названия пород

Продолжение табл. 2

trumpeter (с. 21)	Jacobin (с. 21)	turbit (с. 21)	router (с. 21)	barb (с. 21)
Трубач (с. 18)	Хозырный голубь (с. 18)	Голубь из породы, называемой англичанами turbit (с. 17)	Дутыш (с. 17)	Египетский голубь (с. 20)
Трубач (с. 29)	Хозырный или яковинский голубь (с. 29)	В сноске указано, что немцы называют эту породу Голубь-чайка (Turbit) (с. 29)	Дутыш (с. 29)	Берберийский или нумидийский голубь (с. 29)
Трубач (с. 10)	Хозырный голубь (с. 10)	Порода голубей, называемая иногда голубем-чайкой (с. 10)	Дутыш (с. 10)	
Трубач (с. 20)	яковинский голубь (с. 20)	Голубь-чайка (с. 20)	Дутыш (с. 20)	Индийский или польский голубь (с. 20)
Трубач (с. 130)	яковинского голубя (с. 130)	Голубь-чайка (с. 130)	Дутыш (с. 130)	Индийский или польский голубь (с. 130)
Трубач (с. 53)	яковинского голубя (с. 53)	Голубь-чайка (с. 53)	дутыша (с. 53)	Индийский или польский голубь (с. 53)
Трубач (с. 99)	яковинского голубя (с. 99)	Голубь-чайка (с. 99)	дутыша (с. 99)	Индийский или польский голубь (с. 99)
Трубач (Trumpeter)	яковинского голубя (Jacobin)	Голубь-чайка (Turbit)	дутыша (Router)	Берберийский голубь (Barb)
Барабанщик, трубач-барабанщик	Яковин	турбит	дутыш	барб

dovescot-pigeon (с. 24)	rock-pigeon (Columba livia) (с. 23)	fantail (с. 21)	laugher (с. 21)
Полевой голубь (с. 19)	Сизый голубь (Columba livia) (с. 19)	Трубастый голубь (с. 18)	Хохотун (с. 18)
обыкновенный сизый голубь (dovescot-pigeon) (с. 31)	скалистый голубь (с. 31)	Трубастый голубь (с. 29)	Голубь-хохотун (с. 29)
	скалистый голубь (Columba livia) (с. 10)		Хохотун (с. 10)
обыкновенный голубь (с. 21)	Каменный голубь (с. 21)	Опахальчатохвостый или трубастый голубь (с. 20)	пересмешник (с. 20)
обыкновенный голубь (с. 132)	Горный голубь (Columba livia) (с. 131)	Опахальчатохвостый или трубастый голубь (с. 130)	пересмешник (с. 130)
обыкновенный (сизый) голубь (dovescot-pigeon) (с. 55)	скалистого голубя (с. 54)	Опахальчатохвостый или трубастый голубь (с. 53)	пересмешник (с. 53)
обыкновенный (сизый) голубь (dovescot-pigeon) (с. 100)	Каменный голубь (Columba livia) (с. 100)	Павлиний голубь (с. 99)	пересмешник (с. 99)
обыкновенный (сизый) голубь (dovescot-pigeon)	скалистого голубя (Columba livia)	Павлиний голубь (Fantail)	пересмешник (Laugher)
нет	Сизый голубь	павлин	Голубь-ворчун

Разнообразие вариантов перевода пород голубей характерно не только для работ переводчиков, но и для современного состояния дел в голубеводстве (см. табл. 2). Примечательно, что некоторые популярные современные словари [26] приводят «общий перевод» отдельных номенов (*Runt* – некоторые породы домашних голубей),

не приводят его совсем (*turbit*) или приводят перевод, отражающий особенности этих птиц, но не являющийся названием породы, подвида или разновидности (*dovescot* переведено, как *голубятня* [26]). Представленный вариант перевода названия *dovescot* вызывает затруднения переводчика при подборе соответствующего названия

породы, вида или разновидности голубей.

Поскольку единого источника информации, где бы на обоих языках встретились все упомянутые Ч. Дарвином породы, ещё не выявлено, более того, многие породы по некоторым классификациям превратились в группы пород, а современный атлас Х. Шмидта содержит лишь русскоязычные названия, то при выборе современного названия породы мы обращались к архивам, форумам, статьям по голубеводству, словарям [1; 2; 3; 4; 5; 6; 7; 8; 20; 27; 29; 31; 32; 33].

Анализ переводов «Происхождения видов» выявил неточности перевода естественнонаучных номен и позволил заключить, что в составлении специальных словарей, возможно, должны участвовать специалисты в разных областях знаний. Большинство переводчиков «Происхождения видов» сохраняли в тексте авторское название породы голубей, что позволило избежать путаницы при чтении труда специалистами в данной области. С переводом названий пород собак дело обстоит несколько проще, поскольку большинство этих пород знакомо широкому кругу читателей и чаще встречается в статьях и словарях. Отметим и лучшую разработанность классификации пород собак, в отличие от классификации пород голубей. Всё вышесказанное убеждает, что ценность переводов номен, упоминающихся в работах Ч. Дарвина, велика.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Английский карьер. Альбом. [Электронный ресурс]. URL: <http://archive-dove.ru/Katalog/borod/england-bagdad.html> (дата обращения: 12.12.2012).
2. Англо-русский большой универсальный переводческий словарь [Электронный ресурс]. URL: <http://dic.academic.ru/> (дата обращения: 11.02.2014).
3. Англо-русский словарь Мюллера [Электронный ресурс]. URL: <http://dic.academic.ru/> (дата обращения: 11.02.2014).
4. Архив голубеводов мира. [Электронный ресурс]. URL: <http://archivedove.ru> (дата обращения: 10.12.2012).
5. Большой англо-русский и русско-английский словарь [Электронный ресурс]. URL: <http://dic.academic.ru/> (дата обращения: 11.02.2014).
6. Бондаренко С.П. Всё о голубях: практические советы по содержанию. Породы. Разведение. Кормление. Уход. [Электронный ресурс]. URL: http://fictionbook.ru/author/svetlana_petrovna_bondarenko/vse_o_golubyah/read_online.html?page=4 (дата обращения: 08.12.2012).
7. Вестник голубевода [Электронный ресурс]. URL: <http://goluby-dnpr.ucoz.ua/publ/1-1-0-113> (дата обращения: 10.12.2012).
8. Википедия. Свободная энциклопедия. [Электронный ресурс]. URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki> (дата обращения: 10.12.2012).
9. Дарвин Ч. О происхождении видов в царствах животном и растительном путём естественного подбора родичей / Пер. С.А. Рачинского. СПб.: Издание книгопродавца А.И. Глазунова, 1864. XIV. 399 с.
10. Дарвин Ч. О происхождении видов в царствах животном и растительном путём естественного подбора родичей / Пер. К.А. Тимирязева, под. общ. ред. проф. Ф.А. Дворянкина. М.: Сельхозгиз, 1952. 464 с.
11. Дарвин Ч. О происхождении видов в царствах животном и растительном путём естественного подбора родичей / Пер. К.А. Тимирязева. СПб.: О.Н. Попова, 1896. 327 с.

12. Дарвин Ч. О происхождении видов в царствах животном и растительном путём естественного подбора родичей / Пер. К.А. Тимирязева, под. общ. ред. акад. Н.И. Вавилова. М.; Л.: Сельхозгиз, 1935. 630 с.
13. Дарвин Ч. Происхождение видов путём естественного отбора или сохранение благоприятных рас в борьбе за жизнь / Перевод с шестого издания (Лондон, 1872); Отв. редактор ак. А.Л. Тахтаджян. СПб.: Наука, С.-Петербургское отделение, 1991. [Электронный ресурс]. URL: <http://charles-darwin.narod.ru/origin-content.html> (дата обращения: 24.10.2012).
14. Дарвин Ч. Происхождение видов путём естественного подбора или сохранение благоприятствуемых пород в борьбе за жизнь / Полный перевод с последнего (6-го) англ. изд. М. Филиппова: в 3 вып. СПб.: Научное обозрение, 1895. Вып. 1–3.
15. Дарвин Ч. Происхождение видов / В изложении А. Трачевской. СПб.: О.К. Нотович, 1897. 337 с.
16. Дарвин Ч. Происхождение видов / Пер. с 6-го англ. изд. К.А. Тимирязева, М.А. Мензбира, А.П. Павлова и И.А. Петровского. Предисл. акад. В.Л. Комарова. М.; Л.: Наркомздрав СССР Биомедгиз, 1937. 762 с.
17. Зоорпс: о тех, кого приручили. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.zooprice.ru/articles/detail.php?ID=99698> (дата обращения: 10.12.2012).
18. Зооклуб. Мегаэнциклопедия о животных. [Электронный ресурс]. URL: <http://zooclub.ru/dogs/pород/886-3.shtml> (дата обращения: 10.12.2012).
19. Кавалер Кинг Чарльз Спаниели. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.dogofkings.ru/pub/standard.shtml> (дата обращения: 10.12.2012).
20. Классификация и оценка голубей. [Электронный ресурс]. URL: http://golub-83622.tabu.ru/blog/132534_KLASSIFIKACIYa_I_OCENKA_GOLUBEY.html (дата обращения: 12.12.2012).
21. Книги и авторы. Прочитал и советую. Отзывы. Трудности перевода. [Электронный ресурс]. URL: <http://uporstvovat.ru/knigi-i-avtori-prochital-i-sovetuu-otzivi-trudnosti-perevoda/> (дата обращения: 11.02.2014).
22. Мир животных. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.zooco.com/index.html> (дата обращения: 10.12.2012).
23. Мишиха О.С. Трудности перевода // Собаки и Мир. № 1. 2012. [Электронный ресурс]. URL: http://picc.at.ua/publ/istorija/trudnosti_perevoda/5-1-0-436 (дата обращения: 11.02.2014).
24. Найманова Д., Гумпал З. Атлас пород собак. [Электронный ресурс]. URL: <http://mastinofiesta.narod.ru/book/book/atlas-pород-sobak/atlas-pород-sobak.html> (дата обращения: 08.12.2012).
25. Нелюбин Л.Л. Толковый переводоведческий словарь. 3-е изд., перераб. М.: Флинта: Наука, 2003. 320 с.
26. Онлайн-словарь ABBYY Lingvo-Online [Электронный ресурс]. URL: <http://slovari.yandex.ru/dovecote/en-ru/#lingvo/> (дата обращения: 08.12.2012).
27. Сайт о собаках и их родственниках. [Электронный ресурс]. URL: http://dog.adgth.ru/breed/fox_terrier.htm (дата обращения: 10.12.2012).
28. Собака – стиль жизни. [Электронный ресурс]. URL: <http://doggi.ru> (дата обращения: 08.12.2012).
29. Стандарты пород голубей. [Электронный ресурс]. URL: http://elite-pets.narod.ru/pigeon_standard.htm (дата обращения: 12.12.2012).
30. Толковый словарь живого великорусского языка Даля. [Электронный ресурс]. URL: <http://slovardalja.net/> (дата обращения: 08.12.2012).
31. Турманы Англии: Английский коротколицый турман. The English Short Faced Tumbler. [Электронный ресурс]. URL: <http://tumbler-world.com/album/>

- english_korotko.html (дата обращения: 10.12.2012).
32. Универсальный англо-русский словарь [Электронный ресурс]. URL: <http://dic.academic.ru/> (дата обращения: 11.02.2014).
33. Филичкин А. Принцип классификации пород совиных голубей. [Электронный ресурс]. URL: http://archivedove.ru/Katalog/Owl/princip_class.html (дата обращения: 08.12.2012).
34. Darwin Ch. On the Origin of Species by Means of Natural Selection Or the Preservation of Favourite Races in the Struggle for Life. – London, 1859. [Электронный ресурс]. URL: <http://darwin-online.org.uk/content/frameset?itemID=F373&viewtype=text&pageseq=1> (дата обращения: 05.10.2014).
35. Darwin Ch. On the Origin of Species by Means of Natural Selection Or the Preservation of Favourite Races in the Struggle for Life. – London, 1872. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.literature.org/authors/darwin-charles/the-origin-of-species-6th-edition/> (дата обращения: 05.10.2014).

УДК 81'42

Мазирка И.О., Хухуни Г.Т.*Московский государственный областной университет***К ВОПРОСУ О ТАК НАЗЫВАЕМОМ «НУЛЕВОМ ПЕРЕВОДЕ»**

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы, связанные с так называемым опущением при переводе, т. е. отказом воспроизвести при межъязыковой передаче те или иные единицы или фрагменты исходного текста. Отмечается, что указанный приём может быть вызван различными причинами. Оставляя в стороне случаи, обусловленные недостаточной переводческой компетенцией (т. е. отсутствием соответствующих фоновых знаний), можно указать как на внешние факторы (нередко обусловленные соображениями цензурного характера), так и на стремление облегчить восприятие текста широким читателем путём отказа от комментариев, примечаний и т. п.

Ключевые слова: оригинал, перевод, текст, опущение, фоновые знания, цензура.

I. Mazirka, G. Khukhuni*Moscow State Regional University***ABOUT THE SO-CALLED 'ZERO TRANSLATION'**

Abstract. The present article is dedicated to so-called translator's omission. The latter is understood as the non-representation of either some fragments or definite units of the source text in the target language. It is underlined that the omission may be caused by different reasons. Leaving aside possible incompetence of the translator (lack of background knowledge), some external factors may be mentioned as well, e.g. some requirements of censorial nature. On the other hand, omission sometimes shows the translator's wish to make the source text easier for the general reader's comprehension by eschewing the footnotes, commentaries, etc.

Key words: original, translation, text, omission, background knowledge, censorship.

При определении специфики «собственно перевода» как способа передачи иноязычного текста, чаще всего называют отсутствие компрессии его содержательной стороны (относительно стороны формальной ситуация представляется более сложной). Достаточно напомнить в этой связи высказывание классика – можно сказать, основателя – отечественной лингвистической теории перевода А.В. Фёдорова: «В верности и полноте передачи – отличие собственно перевода от

пересказа или сокращённого изложения, от всякого рода так называемых адаптаций» [8, с. 10–11]. Во многом расходившийся с ним другой крупный представитель отечественного переводоведения – В.Н. Комиссаров, говоря о различных видах языкового посредничества, также отмечает: «Для всех этих видов, кроме перевода, характерна переработка содержания оригинала, его структурирование, компрессирование или обобщение по определённым правилам. Поэтому их обычно именуют «адаптивным переносом» или «адап-

тивным транскодированием» и противопоставляют «собственно переводу» [6, с. 42].

С другой стороны, практически все авторы, занимавшиеся проблемами теории перевода, признавали, что «полнота передачи» представляет собой весьма относительное понятие. Об этом свидетельствует, к слову, и довольно часто используемый в соответствующих трудах как по отношению к грамматической стороне оригинала, так и применительно к лексическим единицам исходного текста термин «нулевой перевод». Применяется он, в частности, по отношению к реалиям, в известной работе С. Влахова и С. Флорина [1], хотя нельзя не заметить некоторую парадоксальность указанного термина: отсутствие перевода квалифицируется как один из способов последнего.

Так или иначе, но отказ (другой вопрос, насколько обоснованный) от репрезентации на переводном языке тех или иных фрагментов / единиц, присущих исходному тексту – явление достаточно хорошо известное. Однако для «обычного» читателя, незнакомого с подлинником, как отмечал В.Н. Комиссаров, имеет место своего рода «презумпция коммуникативной равноценности» [6, с. 45] последнему.

При этом причины, понуждающие переводчика прибегнуть к опущению (либо «исправлению») того или иного составляющего в передаваемом произведении, могут быть достаточно разнообразны. Нами предпринимается попытка, не претендуя на полноту и всесторонний охват всех возможных случаев, рассмотреть некоторые, на наш взгляд, достаточно показательные примеры такого рода. Отметим, что

«обнуление», вызванное недостаточной компетенцией переводчика, т. е. отсутствием у него соответствующих фоновых знаний, в данной статье не рассматривается.

Наиболее простыми и понятными, вероятно, можно считать причины, связанные с действием внешних факторов, т. е. норм и правил (как писанных, так и действующих «по умолчанию») в той аудитории, для которой предназначен соответствующий перевод. В широком смысле слова их целесообразно квалифицировать как соображения, связанные с «переводческой цензурой» (чаще – даже автоцензурой). Применительно к проблематике, связанной с моментами межкультурной адаптации, указанный аспект был в своё время рассмотрен в монографии Г.Т. Хухуни и И.И. Валуйцевой [9]. Как отмечается в этой работе, указанный момент явственно наблюдается в принадлежащей С.Я. Маршаку версии английской народной баллады «King John and the Abbot» (у Маршака – «Король и пастух»). В оригинале на вопрос короля о своей цене в исходном тексте персонаж напоминает ему известный евангельский эпизод («For thirty pence our Saviour was sold / Amongst the false Jews, as you have been told...»), тогда как в переводе содержится следующий пассаж: «Пастух отвечает с глубоким поклоном: / – Цены я не знаю коронам и тронам...».

При этом отмечались и довольно курьёзные случаи, когда исходный текст подвергался такого рода преобразованию, так сказать, «задним числом», когда содержащиеся в нём моменты могли вызвать ассоциации, которые автор (и предшествующие его переводчики) ожидать никак не могли.

Так, во всех русских версиях «Шерлока Холмса» (и в дореволюционные, и в советские годы) без каких-либо купюр сообщалось о том, что доктор Уотсон участвовал в боевых действиях в Афганистане, тогда как в популярном отечественном фильме говорится о весьма неопределённом «Востоке». Учитывая время, когда фильм создавался (восьмидесятые годы прошлого века), причины подобной эвфемизации едва ли требуют специального разъяснения.

Любопытно отметить, что порой аналогичное «преобразование» исходного материала наблюдалось и в такой, казалось бы, достаточно объективной области, как научная терминология. В этом отношении весьма показательным сравнением трудов по сравнительно-историческому языкознанию, написанных немецкими авторами XIX – начала XX столетия, и их русских версий.

Если обратиться к наиболее известному и авторитетному в начале прошлого века Энциклопедическому словарю Брокгауза-Ефрона, то мы встретим в нём следующую дефиницию: **Индоевропейские или индогерманские языки** – «под этими терминами понимаются родственные между собой языки, которыми говорят народы, населяющие почти всю Европу, значительную часть юго-западной Азии и северную половину Ост-Индии, или Индостан. Оба термина имеют в настоящее время чисто условный характер и довольно неточны, так как не отвечают действительному положению вещей. Первый означает крайние географические области на В. и З., между которыми живут индоевропейцы, – т. е. Индию и Европу, но при этом совсем упускает из виду Америку, где в настоящее время пода-

вляющее большинство населения уже «индоевропейцы». Второй термин, употребительный больше всего у немцев, быть может, не без участия некоторой доли национального шовинизма, имеет этнографический характер, означая крайних восточных и западных представителей всей этой большой семьи народов: индусов на В. и германцев на З. (самые западные европейцы – англичане, исландцы, затем и янки-американцы принадлежат к германскому отпрыску И. семьи). Но и этот термин неточен, потому что уже довольно давно не индусы – самый восточный народ из индоевропейцев, а русские, т. е. славяне, в Вост. Сибири» [5].

Поскольку вопрос об истории указанного термина в задачи настоящей статьи не входит (создание первого обычно связывают с именем Ф. Боппа, а второго – с трудами Ф. Шлегеля и А. Шлейхера¹), отметим только, что в работах немецких языковедов указанного периода использовалось почти исключение понятия «индогерманские языки». Однако, если обратиться к тому, как воспроизводились они в отечественных трудах по истории языкознания, то можно заметить, что ситуация здесь выглядит совершенно иначе. Названный момент особенно бросался в глаза в тех случаях, когда соответствующий фрагмент приводился и на языке оригинала. Так, в известной хрестоматии В.А. Звегинцева одна из наиболее важных работ А. Шлейхера оза-

¹ В процитированной выше статье из энциклопедии Брокгауза-Ефрона содержится несколько иная трактовка: «Второй термин, долго приписывавшийся Фр. Шлегелю, на самом деле впервые употреблён только в 1831 г. Гезениусом, раньше которого некто Schmitthenner придумал близкий термин *indisch-teutsch* (индотевтонский)» [5].

главлена «Компендий сравнительной грамматики *индоевропейских языков*», а в сноске представлено немецкое название: «Compendium der vergleichenden Grammatik der *Indogermanischen Sprachen*» [4, с. 107] (*курсив наш.* – И.М., Г.Х.). Любопытно, что подобная «дегерманизация» происходила и тогда, когда в роли авторов выступали русские учёные. Так, статья Н.С. Трубецкого (которого уж никак нельзя заподозрить в «великогерманском шовинизме»), носящая в оригинале заглавие «Gedanken über das Indogermanenproblem», была опубликована в России (почти двадцать лет спустя после её появления) под названием «Мысли об индоевропейской проблеме» [7].

Факторы, обусловившие подобную корректировку научной терминологии при передаче с немецкого на русский в прошлом столетии, вполне понятны и объяснимы. Достаточно вспомнить, что обе мировые войны сопровождались, помимо вооружённой борьбы, весьма жёстким идеологическим противостоянием, и лексема «индогерманский» (независимо от того значения, которое вкладывали в неё в начале XIX столетия создатели) не могла не восприниматься как одно из проявлений претензии немецких коллег на некую «исключительность» и «превосходство».

Однако в плане собственно теории и практики межъязыковой передачи, на наш взгляд, больший интерес представляют случаи, когда отказ от воссоздания тех или иных реалий обусловлен уже несколькими иными моментами, связанными с вопросом о фоновых знаниях. Причём, соответствующие сведения могут быть хорошо известны переводчику (т. е. вопроса о его компе-

тентности не возникает), однако наличие их у широкого читателя вызывает сомнения, что и побуждает прибегать к нулевому переводу.

Иллюстрацией могут служить многочисленные рассказы и повести А. Конан Дойла о Шерлоке Холмсе. Как уже многократно отмечалось в специальной литературе (см., в частности, [10]), они представляют собой своеобразную энциклопедию жизни Англии (прежде всего – её столицы) конца XIX – начала XX века, что, естественно, требует для полноценного восприятия многих относящихся к ним произведений наличия соответствующих сведений. О том, как отражается указанное обстоятельство в различных русских версиях, можно узнать, в частности, из статьи Т.С. Евсюниной [3]. В дополнение к приводимым автором примерам можно присовокупить следующий.

В рассказе «A Scandal in Bohemia» имеется следующий эпизод, связанный с одним из многочисленных преобразований великого сыщика: «He disappeared into his bedroom and returned in a few minutes in the character of an amiable and simple-minded Nonconformist clergyman» [11, p. 17]. В наиболее известном у нас переводе Н.С. Войтинской, выполненном в середине XX в., процитированный фрагмент представлен следующим образом: «Он скрылся в спальне, и через несколько минут ко мне вышел симпатичный, простоватый священник в широкой чёрной шляпе, мешковатых брюках, с белым галстуком» [2, с. 283].

Как видим, переводчица опустила указание автора на то обстоятельство, что речь шла не просто о духовном лице, а о священнослужителе, принадлежащем к неконформистской церк-

ви, т. е. деноминации, не признающей официальную англиканскую церковь. По всей вероятности, нулевой перевод в данном случае носил вполне сознательный характер: Н.С. Войтинская сочла, видимо нецелесообразным, пояснять данный термин для русского читателя, относительно мало знакомого с историей и особенностями религиозной жизни Великобритании. Однако, на наш взгляд, то обстоятельство, что А. Конан Дойл счёл необходимым специально отметить указанный момент, едва ли носило случайный характер. В данном случае Шерлок Холмс рассчитывал на ту репутацию, которую имели протестанты-нонконформисты в британском обществе и которая наиболее подходила для выполнения стоявшей перед ним задачи – предстать в облике диссидента, не принадлежащего к вероисповедному большинству, – диссидента, которого воспринимают как некоего чудака «не от мира сего» и которого нечего опасаться. Учитывая, к тому же, что нонконформизм сыграл заметную роль в религиозной и политической истории Англии, на наш взгляд, опущение в данном случае привело к определённым (хотя, возможно, и не очень значительным) потерям. Отметим, что несколько ниже предложение – «His broad black hat, his baggy trousers, his white tic, his sympathetic smile, and general look of peering and benevolent curiosity were such as Mr. John Hare alone could have equaled» [11, p. 17] – передано следующим образом: «Такую приятную улыбку и общее выражение благожелательного любопытства мог воспроизвести, пожалуй, только Джон Хэйр» [2, с. 283]. В примечании поясняется: «Хэйр, сэрд Джон – английский актёр XIX века» [2,

с. 283], т. е. в данном случае прибегать к нулевому переводу Н. Войтинская сочла нецелесообразным¹.

Объяснить принципиально разные переводческие решения в двух, на наш взгляд, достаточно схожих случаях довольно непросто (подчеркнём ещё раз, что наш анализ исходит из презумпции компетенции переводчика, что применительно к Н.С. Войтинской представляется вполне оправданным). Однако приведённый пример свидетельствует о том, что вопрос о так называемом нулевом переводе представляет большой интерес и заслуживает дальнейшего исследования.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Влахов С., Флорин С. Непереводимое в переводе. М.: Высшая школа, 1986. 416 с.
2. Дойль А.К. Скандал в Богемии / Пер. Н. Войтинской // А. Конан Дойль. Собр. соч. в 8 томах Т. 1. М.: Правда, 1966. С. 267–290.
3. Евсюнина Т.С. Викторианская Англия в исходном и переводном тексте: словареалии в рассказах о Шерлоке Холмсе и их передача на русский язык // Вестник Московского Государственного Облостного Университета. Серия: Лингвистика. 2014. № 1. С. 81–85.
4. Звегинцев В.А. История языкознания XIX–XX веков в очерках и извлечениях. М.: Просвещение, 1964. 468 с.
5. Индоевропейские или индогерманские языки // Энциклопедический словарь Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона. [Электронный ресурс]. URL: http://dic.academic.ru/dic.nsf/brokgauz_efron/130760/Индоевропейские (дата обращения: 08.10.2014).

¹ Мы не касаемся в данном случае применённого переводчицей приёма переноса части второго предложения (описание наряда Холмса) в первое.

6. Комиссаров В.Н. Современное переводоведение. Курс лекций. М.: ЭТС, 2000. 192 с.
7. Трубецкой Н.С. Мысли об индоевропейской проблеме // Вопросы языкознания. 1958. №1. С. 65–77.
8. Федоров А.В. Основы общей теории перевода (лингвистические проблемы). – М.: Высшая школа, 1983. 303 с.
9. Хухуни Г.Т., Валуйцева И.И. Межкультурная адаптация художественного текста. М.: Прометей, 2003. 172 с.
10. Чернов С. Бейкер-стрит и окрестности. Эпоха Шерлока Холмса. М.: Форум, 2012. 480 с.
11. Doyle A.C. The Adventures of Sherlock Holmes. London: Harper Press, 2010. 318 p.

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

РОМАНСКИЕ ЯЗЫКИ И КУЛЬТУРА: КОНКУРЕНЦИЯ НА МЕЖДУНАРОДНОЙ АРЕНЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

Международная научная конференция
24-25 июня 2014 года

24-25 июня 2014 года в Московском государственном областном университете проходила Международная научная конференция, посвящённая актуальным проблемам романских языков и их культур, организованная по инициативе кафедры романской филологии.

Основное внимание на ней было уделено конкуренции индоевропейских языков на международной арене и перспективам их развития.

Открывая конференцию, ректор университета профессор П.Н. Хроменков подчеркнул её своевременность и значимость, а также её роль в укреплении сотрудничества МГОУ с зарубежными вузами-партнёрами.

В работе конференции приняли участие отечественные исследователи романских языков и культур и видные зарубежные учёные из Франции, Канады, Бразилии, Швейцарии, Китая.

Конференция продолжалась два дня, в течение которых работало семь секций.

В секции «**Романские языки в синхронии и диахронии**» в виртуальном

режиме был заслушан доклад А. Тиссо о современном статусе каталанского языка.

Не менее живой интерес вызвал доклад профессора В.Г. Кузнецова о роли англоязычных заимствований-неологизмов во французской языковой картине мира, в котором исследователь подчеркнул, что новообразования – это результат заимствования в неизменном виде лексических единиц, вербализующих новые стороны денотата и находящихся в одной из трёх стадий адаптации к лексико-семантической системе принимающего языка (окказиональной, потенциальной или узуальной).

На заседании второй секции «**Фонетические, лексические и грамматические особенности франкоговорящих стран**» особого внимания удостоилось сообщение французского учёного Армеля Жаке-Андре, которая подробно остановилась на проблемах языковой патологии в контексте междисциплинарного изучения естественных языков.

Швейцарский учёный и одновременно научный сотрудник Лингвистического Центра имени Люсьена Теньера Университета Франш-Конте (Безансон, Франция) Ивон Борде затронул вопросы дидактики в преподавании иностранных языков, в частности выбора аутентичных текстов из произведений классиков французской литературы.

Живой интерес участников конференции вызвало выступление канадского учёного Филиппа Тюрше, посвящённое невербальным средствам коммуникации, в том числе жестам и звукоподражанию, и их роли в межкультурной коммуникации.

Доклад к.ф.н., доц. С.А. Перевертаевой, посвящённый демаркативной функции акцента как ведущей функции ударения во французском языке, стимулировал оживлённую научную дискуссию.

С интересом был встречен доклад д.ф.н., проф. И.А. Цыбовой, в котором анализировались современные тенденции развития лексического состава языка и связанные с ними словообразовательные процессы.

В работе третьей секции «**Лингвистика, социолингвистика и прагматика в плане профессиональной компетенции**» особое внимание было приковано к выступлению наших бразильских коллег.

В докладе Риты де Касиа Пайва подробно рассматривались основные методы сравнительно-сопоставительного изучения испанского и португальского языков учениками одной из проблемных областей Бразилии. Предлагаемые докладчиком методы прошли многолетнюю апробацию при преподавании испанского языка (ис-

панской грамматики) в Федеральном Университете штата Пара.

Ернст Курт Клаусс проанализировал антропологический аспект преподавания французского языка в Федеральных университетах Бразилии. Автор рассмотрел грамматический и разговорный аспекты французского языка, особенно значимые при сравнении лингвистических и экстралингвистических характеристик языка.

Внимание участников конференции привлекло сообщение Ксиао Люсьена Янга из Китая, посвящённое лингвистическим, социолингвистическим и прагматическим компетенциям, формируемым в процессе изучения языков и межкультурной коммуникации.

Не менее любопытным и довольно оригинальным оказалось сообщение д.ф.н., проф. Г.В. Овчинниковой, посвящённое особенностям кросс-культурной французско-русской коммуникации.

Заседание четвёртой секции конференции «**Морфология и синтаксис**» началось с блестящего доклада заслуженного деятеля науки РФ доктора филологических наук, профессора Н.М. Васильевой, в котором были затронуты дискуссионные вопросы, связанные с тематической структурой предложений распространённого состава в современном французском языке.

Значительный интерес и продолжительное обсуждение вызвал доклад к.ф.н., доц. Е.А. Ванчиковой о проблеме совместимости / несовместимости синтаксем на уровне предложения во французском языке.

В секции «**Теория перевода**» наиболее оживлённую дискуссию вызвало выступление Кевина Баке, который

попытался объяснить специфику перевода с французского языка на русский отдельных идиоматических выражений.

Секция «**Лексикография и терминология**» запомнилась участникам конференции благодаря ярким выступлениям проф. Е.Н. Михайловой и проф. И.В. Скуратова.

В докладе д.ф.н., проф. Михайловой Е.Н. был дан глубокий анализ творчества Шарля Этьена, с именем которого связано появление первых французских словарей.

Доклад д.ф.н., проф. И.В. Скуратова на секции «**Интеграция новых информационно-коммуникационных технологий в преподавании романских языков**» был посвящён процессу

образования новых слов, в том числе с префиксом *cyber-* (*кибер-*), употребление которого убеждает во всё большем проникновении информатики в повседневную жизнь.

Прошедшая конференция ещё раз подтвердила, что многообразие языков и культур, их сосуществование, взаимодействие и взаимообогащение – основа дальнейшего укрепления международного сотрудничества в области межкультурной коммуникации в эпоху всеобщей глобализации и интернационализации языковой картины мира.

Скуратов И.В.
Московский государственный
областной университет

НАШИ АВТОРЫ

Валуицева Ирина Ивановна – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры теоретической и прикладной лингвистики Института лингвистики и межкультурной коммуникации Московского государственного областного университета; e-mail: irinaiv-v@yandex.ru

Гнатюк Ольга Александровна – соискатель кафедры теории языка и англистики Института лингвистики и межкультурной коммуникации Московского государственного областного университета, старший преподаватель кафедры иностранных языков, ФГБОУ ВПО «Московский автомобильно-дорожный государственный технический университет (МАДИ)»; e-mail: oooly@mail.ru

Евтухова Екатерина Викторовна – соискатель кафедры теории языка и англистики Института лингвистики и межкультурной коммуникации Московского государственного областного университета; e-mail: evstatkevich@rambler.ru

Зубков Михаил Дмитриевич – аспирант кафедры иностранных языков Московской гуманитарно-технической академии; e-mail: nobodymaggot2005@mail.ru

Мазирка Ирина Олеговна – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры теории языка и англистики Института лингвистики и межкультурной коммуникации Московского государственного областного университета; e-mail: mazirka_den@mail.ru

Молчанова Дарья Валерьевна – аспирант, преподаватель-ассистент кафедры английской филологии Института лингвистики и межкультурной коммуникации Московского государственного областного университета; e-mail: Minako9@yandex.ru

Скуратов Игорь Владимирович – доктор филологических наук, доцент, заведующий кафедрой романской филологии Института лингвистики и межкультурной коммуникации Московского государственного областного университета; e-mail: iv.skuratov@mgu.ru

Стариченко Наталья Сергеевна – аспирант кафедры теоретической и прикладной лингвистики Института лингвистики и межкультурной коммуникации Московского государственного областного университета; e-mail: the_autumn@inbox.ru

Федорова Наталья Андреевна – соискатель кафедры теории и методики преподавания иностранных языков Московского государственного гуманитарного университета им. М.А.Шолохова, старший преподаватель кафедры Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (г. Москва); e-mail: nataliafedorova@inbox.ru

Федосова Анна Кареновна – аспирант, ассистент кафедры теоретической и прикладной лингвистики Института лингвистики и межкультурной коммуникации Московского государственного областного университета; e-mail: 777antuanetta@rambler.ru

Хухуни Георгий Теймуразович – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой теории языка и англистики Института лингвистики и межкультурной коммуникации Московского государственного областного университета; e-mail: khukhuni@mail.ru

Яковлева Александра Михайловна – аспирант кафедры английского языка Московского областного гуманитарного института; e-mail: yakovleva1301@rambler.ru

ВЕСТНИК МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ОБЛАСТНОГО УНИВЕРСИТЕТА

Научный журнал «Вестник МГОУ» основан в 1998 г. На сегодняшний день выходят десять серий «Вестника»: «История и политические науки», «Экономика», «Юриспруденция», «Философские науки», «Естественные науки», «Русская филология», «Физика-математика», «Лингвистика», «Психологические науки», «Педагогика». Все серии включены в составленный Высшей аттестационной комиссией Перечень ведущих рецензируемых научных журналов, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертации на соискание ученой степени доктора и кандидата наук по наукам, соответствующим названию серии. Журнал включен в базу данных Российского индекса научного цитирования (РИНЦ).

Печатная версия журнала зарегистрирована в Федеральной службе по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия. Полнотекстовая версия журнала доступна в Интернете на платформе Научной электронной библиотеки (www.elibrary.ru), а также на сайте Московского государственного областного университета (www.vestnik-mgou.ru).

ВЕСТНИК МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ОБЛАСТНОГО УНИВЕРСИТЕТА

СЕРИЯ «ЛИНГВИСТИКА»

2015. №1

Над номером работали:

менеджер Отдела по изданию журнала «Вестник МГОУ» И.А. Потапова
литературный редактор Е.О. Духовнова
переводчик Н.Г. Юрышева
корректор А.С. Барминова
компьютерная верстка А.В. Тетерин

Отдел по изданию научного журнала «Вестник МГОУ»
105005, г. Москва, ул. Радио, д.10а, офис 98
тел. (499) 261-43-41; (495) 723-56-31
e-mail: vest_mgou@mail.ru
Сайт: www.vestnik-mgou.ru

Формат 70x108/16, Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура «Minion Pro».

Тираж 500 экз. Уч.-изд. л. 4,75, усл. п.л. 4.

Подписано в печать 17.02.2015. Заказ № 2015/02-02.

Отпечатано в типографии МГОУ
105005, г. Москва, ул. Радио, 10а